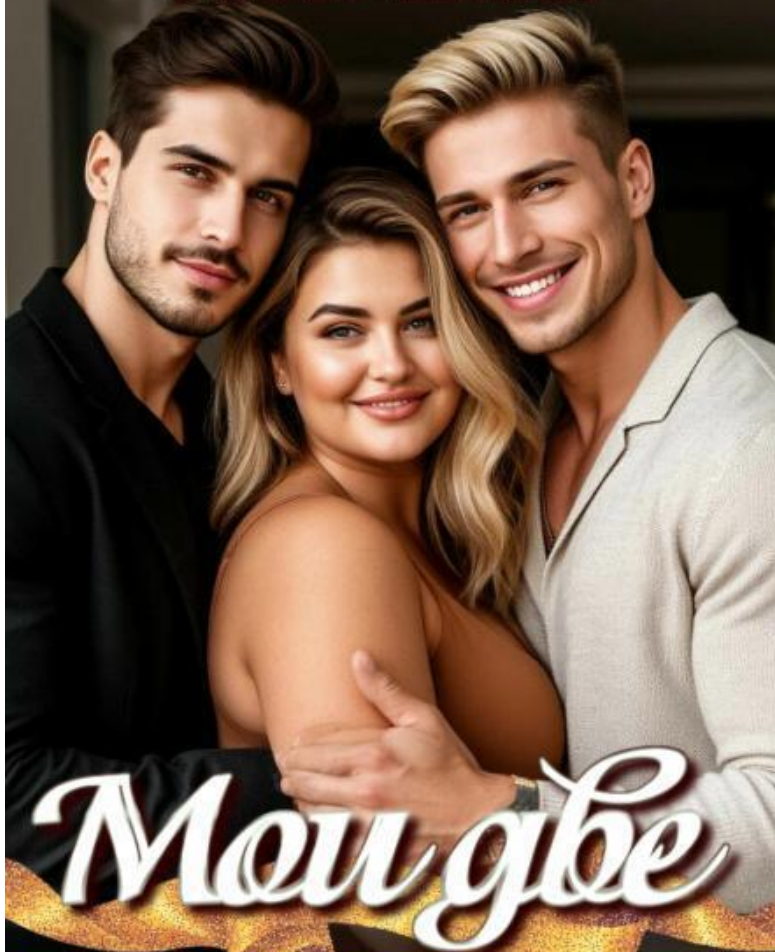

Анна Есина

ПОЛОВИНКИ

Анна Есина

Мои две половинки

<https://litres.ru/74205398>

Аннотация

Соня думала, что нашла своё счастье: молодой, красивый, успешный Рома казался идеалом. Но идиллию рушит жестокий удар — девушка застаёт любимого с другой. Жизнь рассыпается в прах, а вера в любовь оказывается на грани гибели.

В этот непростой момент судьба сводит её с Ильёй — обаятельным, умным и невероятно притягательным брюнетом. Между ними медленно зарождается нечто большее, чем просто симпатия... пока Соня не узнаёт шокирующую правду: Илья — единокровный брат Ромы. И это ещё не всё.

Братья делают ей предложение, от которого невозможно просто отмахнуться: отношения на троих. Что скрывается за этой дерзкой идеей? Игра, эксперимент или шанс на невиданное прежде счастье?

Перед Соней встаёт мучительный выбор:
закрыть сердце для новой боли и уйти;
рискнуть и шагнуть в неизведанное;
попытаться разобраться, что на самом деле чувствуют к ней оба мужчины.

Эта история — о любви, предательстве и смелости сделать шаг в неизвестность. О том, как из осколков разбитых надежд может

родиться нечто совершенно новое. И о том, что иногда судьба преподносит сюрпризы, которые переворачивают жизнь с ног на голову.

Осторожно! В тексте использован юмор, который поможет взглянуть на сложные ситуации под неожиданным углом.

Готовы узнать, какой выбор сделает Соня и чем закончится эта необычная история? Откройте книгу — и пусть ваше сердце решит, во что верить!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	54
Глава 5	68
Глава 6	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глава 1

Бывают хорошие дни, бывают не очень. Порой случаются откровенно плохие, но иногда всё сводится к простому термину «это звезда, товарищи», под которым хочется провести жирную красную черту, а после признать, что всё летит в тартарары.

Именно такие мысли одолевали меня отнюдь не прекрасным субботним утром, пока чистила зубы и сонными глазами таращи́лась в зеркало.

Широченный зев, раздирающий рот на части, позволил добраться щёткой до таких потаённых уголков в полости, о коих счастливое большинство людей и не подозревает.

В ванну, почёсывая пятернёй густую блондинистую гриву, ввалился Рома. С высоты своего роста чмокнул меня в макушку, приобнял за талию и двинул бёдрами, высвобождая себе место у раковины.

– А тебе-то куда? – прошамкала, зажимая щётку зубами.

– Заказ срочный висит, – он тоже принялся за чистку зубов. – Ещё вчера надо было сдать заказчику, да я на тебя отвлёкся.

Свободной рукой он провёл по моему животу, подобрался к груди и жадно сдал её пятернёй сквозь атласную ткань пижамной майки.

– Сильно опаздываешь? – спросил полушёпотом и сдал

сосок между пальцами.

– Час назад должна была быть на работе, – сплюнула в раковину и наклонилась, чтобы прополоскать рот.

Рома хмыкнул, пристроился сзади и обеими руками прижал мои бёдра к своим.

– Тогда я быстренько, – коварно улыбнулся он перепачканными белой пастой губами и потянул вниз мои шорты.

– Эй! Не налей. Своё ты получил ночью, – попыталась отодвинуться, но он будто не услышал.

Вдавил меня животом в бортик раковины, приспустил свои трусы и без всяких усилий скользнул внутрь.

– Ром, ну ё-моё, – заворчала, пробуя выпутаться из цепкого захвата.

Он не дал, надавил рукой на затылок, вынуждая опустить голову, а мои бёдра подтянул ближе к себе и принялся размашисто двигаться, почти полностью выходя и вновь погружаясь на всю длину.

Я держалась пару секунд, помнила, что следует прекратить, что безбожно опаздываю везде и всюду. Кажется, какая-то часть сознания даже понимала, что выход на работу в выходной день оплачивается в двойном размере, но потом резко стало наплевать.

Он дышал тяжело и быстро и всякое своё движение сопровождал тихими стонами, от которых меня выворачивало наизнанку. И хоть внутри всё болезненно саднило – ночной трёхчасовой сексуальный марафон не прошёл бесследно –

я выгибалась навстречу с жадностью мартовской кошки. Затем резко выпрямилась, обхватила руками его шею и вывернула голову для поцелуя.

Вкус у него был мятный, сладковатый и пьянящий. Рома крутанул меня в руках, взяв за подмышки, развернул к себе лицом, подхватил под колено и тут же вернул нашим телам неразрывную близость. Его язык врывался в меня в том же диком ритме, что и напряжённый член. Мужская рука хаотично блуждала по груди и рёбрам, а после занырнула между ног, и меня нешуточно забило в ознобе.

Боюсь, что в первую очередь полюбила его именно за эти волшебные пальцы, которые умели вытворять со мной такое, что и не снилось почтенным мудрецам. В два-три движения он умел подвести меня к финишу в любой ситуации, а уж когда делал вот это... Быстро-быстро порхал подушечкой среднего пальца по чрезмерно влажным складкам и растирал одному ему известную точку, я теряла всякий моральный облик. Выла и стенала, вонзая зубы ему в плечо, чтобы уже в следующий миг вскинуть голову вверх, с надрывом выкрикнуть в потолок нечто бессвязное и разлететься на мириады осколков.

А ещё я балдела от его внимания к мелочам и таланта запоминать нюансы. Мой идеальный Ромка знал, что быстрее всего я переживаю оргазм, если ощущаю его внутри без движения. Нравится моим мышцам, когда им ничто не машет хаотично сокращаться, рассылая по всем отделам мозга

всполохи чистейшего удовольствия.

Вот и сейчас он замер, закинул обе мои ноги себе за пояс, втиснул мою задницу на узкий бортик раковины и принялся покусывать подбородок и шею, выжидая, когда же меня окончательно отпустит.

– Сходим вечером куда-нибудь? – сипло спросил, лаская кончиком языка ушную раковину.

– Да-а. С тобой хоть на край света.

Я приоткрыла глаза. Яркий свет резанул, заставляя опустить голову и поймать взгляд Ромки, тяжёлый, жгучий, с поволокой, от которого ёкнуло внутри.

Подумать только, мы всего месяц в отношениях, съехались лишь неделю назад, а я уже не представляю, как жила без него раньше.

– Ты как хочешь? – с мурчаньем спросила, начиная елозить по нему.

– На коленях и глубоко, – он укусил меня за нижнюю губу, намекая на то, что не прочь получить столь любимое для себя удовольствие.

Задвигал бёдрами в ленивой манере, не переставая буровить голодным взглядом.

Мне не слишком нравилось его пристрастие к жёсткому горловому минету. На первых порах я даже брезговала чем-то подобным, однако быстро осознала, что и сама кайфую, когда вижу его таким: беснующимся, несдержанным на слова и действия. В моменты наивысшего удовольствия он пре-

вращался в истинное животное и глянцева красота уступала место суровой мужицкой мускулинности. И мне всякий раз напрочь отбивало голову.

Я разжала руки и медленно осела на кафельный пол. Поцеловала низ живота, царапнула ногтями по рельефному прессу и с прилежанием студентки открыла рот.

Рома протяжно выдохнул, надавил на подбородок, вынуждая раскрыться ещё шире, и заполнил всё собой. Руки он положил мне на макушку, после чего стал брать со столь привычным ожесточением. От меня почти ничего не требовалось, лишь молча сидеть, смотреть ему в лицо и пытаться насытиться теми крохами кислорода, которые поступали в промежутках между быстрыми фрикциями.

Он хрипел и стонал, сбиваясь на шипящую матершину. Бил меня по щекам, если пробовала отстраниться или давилась. Не больно, но достаточно агрессивно, чтобы наш первый подобный минет закончился диким скандалом с криками и битьём посуды. Тогда я, помнится, назвала его придурком и извращенцем, и всерьёз задумалась о том, чтобы прекратить всякое общение.

Сколько с тех пор прошло? Дней десять. И посмотрите на меня сейчас? Разве не я тихо постанываю в ответ на его рычащий шёпот:

– Соси, сучка, соси.

И не я ли вожу ногтями по крепкой заднице, вжимаясь носом с аккуратно подстриженную поросль? Да ещё полу-

чаю едва ли не физическое удовольствие, наблюдая за тем, как постепенно расширяются зрачки в нежно-голубом мареве его глаз.

– Со-о-нь, – гортанно выдал он, сцепил кулаки в моих волосах и с рычанием закончил эту грязную пытку.

Я проглотила всё, отстранилась, вытерла тыльной стороной ладони влажный от обилия слюны рот и, преданно поглядывая наверх, облизала всё ещё возбуждённый член от головки до основания.

– Ты какое-то блядское чудо, – восторженно отозвался Ромка и за руки поднял меня с пола. – Мне ни с кем и никогда не было так охеренно.

Я позволила себя поцеловать, мысленно досчитала до трёх, а потом яростно оттолкнула от себя это воплощение порока и понеслась в спальню, на бегу стягивая с себя атласную пижаму.

Кружевной топ, бельё, чулки, прозрачная блузка, строгая юбка-карандаш – одевалась лихорадочно, с ненавистью поглядывая на часы, стрелки которых мчались как оголтелые. Почти девять утра. Мне капец.

В прихожей силилась одновременно расчесать волосы и влезть в узкие полусапожки.

– Хочешь, позвоню твоему директору и объяснюсь за опоздание? – Рома, по-прежнему сверкая обнажённым торсом, вышел в коридор и поднёс к моим губам чашку с кофе.

– И что соврёшь? – я шумно отхлебнула сладкий напиток,

притопнула ногой, всовывая её в ботинок, и соорудила на голове кривой пучок.

– Скажу правду, – он ухмыльнулся, отставил кружку на тумбу и сорвал с моих волос резинку. – Что самозабвенно драл тебя всю ночь и сожалею, что не могу продолжить.

Он аккуратно прошёлся массажкой по включенным пряжам, умело собрал их в кулак на макушке, закрутил в жгут и закрепил будто со знанием дела.

Мне понравился результат, а уж от его слов и медовых интонаций и вовсе захотелось уйти на длительный больничный, но...

Я быстро наклонилась, чтобы застегнуть обувь. Ромыч воспользовался моментом и снова прижался ко мне сзади, демонстрируя, что и впрямь готов продолжить начатое в ванной.

– Уволиться к чертям что ли, – проворчала я, выпрямляясь и с готовностью всовывая руки в рукава услужливо поданного пальто.

Пока застёгивала пуговицы, ненасытный любовник прижал меня за плечи к своей обнажённой груди и горячо шепнул на ухо:

– Увольняйся. Вылижу с ног до головы в благодарность.

– И затрахашь, – я цокнула языком и целеустремлённо ломанулась к двери. На пороге обернулась и добавила буднично: – Свари мясо часикам к трём. Порадую тебя вечером борщом.

Ромка кивнул и послал мне воздушный поцелуй.

Таким я его и запомнила: полуобнажённым, разгорячённым и немыслимо красивым. А глубже всего отложились в голове ямочка на правой щеке, которая просвечивала из-под густой двухдневной щетины, и белая точка засохшей зубной пасты на верхней губе.

Мы не поцеловались на прощание, только обменялись фелеричными оргазмами. А зря.

Во дворе дома я принялась выплясывать вокруг Ромкиного внедорожника, который вначале не захотел завестись с брелока, потом напрочь отказался разблокировать двери, а под конец добил тем, что, хоть в салон я и попала, взвыл дурниной от попытки несанкционированного проникновения.

Чертыхнулась и полезла в сумочку за телефоном, чтобы пожаловаться хозяину. Попутно жала на все кнопки на брелоке и что-то тыкала на приборной панели, вынуждая автомобиль замолкнуть.

Протяжные гудки лились в ухо из динамика. Джип завывал похлеще иерихонской трубы. Часы бессердечно отсчитывали минуты. Нервы наматывало на лебёдку нетерпения.

Я повторно набрала номер, сохранённый как «Любимка», и вновь не получила ответа. Небось опять напялил наушники и провалился в онлайн, а у меня тут апокалипсис разыгрывается.

– Помощь нужна? – послышался справа вежливый вопрос от высокого темноволосого парня в распахнутой чёр-

ной куртке.

Я отрицательно качнула головой, пихнула телефон обратно в сумку и с удовольствием вслушалась в звенящую тишину. Сигнализация смолкла. То ли выдохлась, то ли подчинилась хаотичному нажатию какой-то из кнопок. Тут же попыталась повернуть ключ в зажигании, но гадкий внедорожник снова заголосил.

– Да чтоб тебя! – саданула строптивного монстра по рулевой колонке.

Рослый брюнет, что предлагал своё содействие, замер у серебристого седана и, обернувшись, крикнул:

– Точно сама справишься?

Я выскользнула из машины, яростно хлопнула дверцей и поплелась обратно в подъезд.

– Точно, – ответила незнакомцу и ускорила шаг.

Позади раздался визг шин. Серое авто марки «Лексус» под управлением брюнета резко вырулило в центр и промчалось мимо меня со скоростью пушечного ядра, с ног до головы окатив брызгами от огромной лужи.

Я съёжилась, опешила, а потом ка-а-ак заверещала, потрясая кулаком вслед ублюдку. Высказалась весьма непечатно и витиевато, припомнив и его матушку, и её привычку рожать после неудавшегося аборта и прочие нелестные факты из биографии агрессивного ездока.

Бежевое пальто оказалось напрочь испорчено – это я разглядела ещё в лифте. На чулках и юбке тоже остались следы

грязи...

Прочие связные мысли в памяти не отложились. Я вышла на своём этаже, матерясь и костеря лихача на «Лексусе» распоследними словами, толкнула дверь Ромкиной квартиры, а дальше... Мрак. Чёрное пятно. Бермудский треугольник, вырвавшийся на сушу с намерением пожрать всё и вся.

В прихожей валялись вещи. Странные. Изящные домашние туфли по типу босоножек с фиолетовой меховой опушкой. Один лежал на боку у двери, второй обнаружился в паре метров от собрата. Вязаный кардиган красным болотцем застыл у двери ванной.

Я перешагнула через него и на негнущихся ногах приблизилась к следующей находке: атласный топ с бретелями, отделанными чёрным кружевом. На подлокотнике дивана повис скучный чёрный лифчик с чашами размера этак третьего.

Мне захотелось взять пинцет и немедленно избавиться от этой гадости, а затем продезинфицировать все поверхности в квартире.

У распахнутой настежь двери спальни валялась кожаная юбочка. Мини-мини. Или шортики?

Я с замиранием сердца подняла взгляд выше и увидела то, что могла расслышать уже из прихожей.

Поперёк кровати лежала девушка (хотя в мыслях я охарактеризовала её куда лаконичнее – блядь). Сухие выжженные пергидролью рыжие волосы разметались по белоснеж-

ной простыне. Она тихо постанывала, глядя в потолок, и цеплялась мерзкими ручонками за плечи моего Ромки, который лежал поверх этой... мадамы, упирался кулаками в матрас рядом с растрёпанной головой и ритмично двигал бёдрами.

Темп они выбрали очень сдержанный, я бы сказала даже скучный. Шлёп-шлёп-шлёп. Короткий выдох Ромы. Слабый стон шалавы. И всё повторялось заново, как в каких-нибудь shorts [короткий 15 секундный ролик на YouTube – *здесь и далее примечание автора*], оставленных воспроизводиться по кругу.

– Да, да, да, – вяло твердила подстилка моего парня, охотно встречая его толчки.

Они вроде находились лицом друг к другу, но Ромка отчего-то вовсе не смотрел на столь пресный объект для сексуальных утех, а сосредоточился на изголовье. Я разглядела лишь его коротко отстриженный затылок, где волосы были гораздо темнее, нежели на макушке, да вскользь отметила, с какой ленивой грацией перекатываются под чуть загорелой кожей мышцы.

Нахалка обнимала коленями потрясный мужской зад, давила корявыми пальцами на Ромкины плечи – искусанные, между прочим, мной не далее, как полчаса назад, и наслаждалась моим мужчиной.

Нестерпимо сдавило горло. Захотелось кричать и топтать ногами. Отодрать своё сокровище от этой красноволосой потаскушки, отходить мерзавца по щекам, а после с восторгом

оттаскать за космы разлучницу.

А ещё меня посетила мысль позорно сбежать. Притвориться той печально известной обезьяной, которая ничего не видит, не слышит и уж тем более никому ничего не расскажет.

Однако пришлось побороть неуёмное желание избежать конфронтации.

Я на цыпочках прошла в спальню. Парочка не обратила на меня внимания, слишком уж они были увлечены процессом. Встала у Ромки за спиной. Задумчиво прикусила нижнюю губу, подбирая варианты.

Огреть его торшером? Пнуть под зад кобелину? Садануть по хребтине чем-то тяжёлым?

Решение созрело в мгновение, и пальцы сами скрючились в когтистые лапы гарпии. Не особо заботясь о соблюдении приличий, я вонзила ногти в спину предателя, погрузила поглубже, дабы козлина не сорвался с «крючка», и со всей дури дёрнула руки вниз, стремясь к ягодицам.

Получилось очень животрепещуще. Кровавые алые полосы вспороли гладкую кожу, даруя мне садистское удовольствие. Ромыч заголосил, вмиг остановился, резко крутанулся ко мне, плюхнулся на пятую точку и упёрся ладонями в матрас. Взгляд у мерзавца был красноречивым, как у воришки, пойманного с полными карманами чужого добра.

Впрочем, нет, зачеркнуть. Он смотрелся нашкодившим щенком, который напрудил в хозяйские тапки, сжевал доро-

гущие беспроводные наушники и впридачу ко всему нагадил в ванной. Тлетворный, жалкий, тщедушный кусок экскрементов.

Его зазноба распахнула затуманенные очи и воззрилась на меня с лёгким недоумением, мол, какого черта?!

Но, знаете, что было самым поганым? Рома испытал наслаждение (пф-ф, снова в топку, он кончил, банально и омерзительно). Не то их сношение возымело такой взрывной эффект, не то его подстегнула боль от разодранной спины, не то сама ситуация повлияла.

Я сощурилась, разглядывая эрегированный член в презервативе и довольно недвусмысленное его мутно-белое наполнение.

– Сонь, – проблеял он жалобно, – я не хотел...

– Ну точно же! – севшим голосом согласилась. – Благодарю за чудесное спасение от изнасилования!

Прежде я никогда не ощущала такой злости, от которой мутится сознание и в буквальном смысле чернота затмевает взор. Однако теперь подобное приключилось. Разум вырубил по щелчку пальцев. Остались лишь гнев, ярость и безотчётное желание убивать.

Я схватила ошалелую девушку за руку, рванула на себя. Та завизжала. Рома приподнялся, чтобы... ну, чтобы что-то там сделать или сказать.

– Скотина! – выдохнула ему в лицо, а потом с удвоенной энергией потащила на себя крикунью.

Она в отупении выпрямилась рядом. Попробовала прикрыть обнажённые прелести руками. Красивая, сучка, знойная. Холёная до невозможности. Лаковая вся какая-то, будто фарфоровая кукла. И фигурка зачётная. И ростом её природа не обделила, но непроходимая дура – по глазам видно. Рот свой, перепачканный густой тёмно-бордовой помадой, раззявила, изрыгнула матершину в мой адрес, жалуясь на жестокое обращение, и моляще на Ромчика уставилась.

– А ну вон пошла, шалашовка! ВОН!

Я пихнула грудастую мымру в бок.

– Соняш! Да послушай!

Повернулась к этому ноющему отморозку и с размаху впечатала кулак ему в рожу.

– Не смей со мной разговаривать! – забасила так, что у самой уши заложило. – Чмо, ты, Ромыч, первостатейное!

– Соник, – он сокрушённо понурил блондинистую голову, – я облажался. По полной.

Мой удар он будто и не заметил, а я взвыла от боли в руке, подскочила на месте, согнулась пополам и принялась баюкать зашибленные костяшки.

– Носорог непробиваемый!

Любовница спешно хватала вещи с пола. Я подобрала с прикроватной тумбочки томик Акунина в твёрдом переплёте и прицельно метнула в спину разбитной девке. Промахнулась, к сожалению. Потянулась рукой к пустому стакану, тому самому, в котором изменник приволок мне воды этой

ночью, чтобы утолить жажду после рьяных любовных утех.

Ромка всерьёз обеспокоился, схватил меня за локти, завёл руки за спину и силился удержать от новой атаки.

– Пусти, утырок! Пусти немедленно! Я тебе.. Нет! Вам обоим! Я вам обоим рожи разукрашу под хохлому!

Визгливая идиотка наспех напялила на себя трусы и топ и пугливым сайгаком поскакала к выходу. Я бросилась вдогонку, таща на себе массивную тушу мужика, как буксир. Он что-то там пыхтел, извинялся, пытался остановить меня, сыпал тупорыляцкими оправданиями. Мне было до лампочки.

В одном Ромыч преуспел: быстроногая шмара свалила в подъезд, хлопнув дверью. Прямо в труселюшках из ниточек и ажурной маечке. Я подросла в прихожую к моменту, когда эта аморальная бабёнка уже шлёпала босыми ногами по лестнице наверх. **НАВЕРХ**, понимаете?

То есть она не улепётывала из подъезда, а решила подняться к себе в квартиру.

Я застыла в изумлении.

– Ты кувыркаешься с соседкой?

Рома так и держался позади, поддерживая меня за локти.

– Ну-у, э-э...

Метнула взгляд на обувную тумбу в прихожей, припоминая, есть ли внутри ножницы. Положа руку на сердце, мне куда сильнее приглянулся бы сейчас секатор или агрессивно ворчащая бензопила, но сгодятся и маникюрные принадлежности. Крошечные лезвия для микроскопического достоин-

ства – экая проза жизни, верно?

Я согнула обе руки и толкнула ими изменника в живот. Одновременно попробовала лягнуть блондина ногой, но скользкий гад оказался предусмотрительным – отскочил, а потом снова разинул руки в диком намерении обнять.

– Давай поговорим, а? – предложил примирительно.

– Накосся, выкуси! – сложила их пальцев дулю, изобразила плевок и сунула под нос красавчику. – С проשמандовками своими беседуй. Между нами всё! **ВСЁ!**

Я притопнула ногой для наглядности и рванула обратно в спальню. С шумом достала из шкафа чемодан, принялась забрасывать в него вещи.

В крови бурлил бешеный вулкан протеста. Мне хотелось сломать что-нибудь, покорёжить, заставить страдать, чтобы выплеснуть всю ту мешанину дурных чувств, что кипящей лавой разливалась внутри.

– Давно ты её трахаешь? – голос звенел осколками льда.

– Кого? Соняш, да это так... Недоразумение. Ты завела меня не на шутку, а потом свалила...

– О-о, так это я виновата?! Ну охренеть!

Под руку попалась его темно-синяя рубашка – мой подарок. Без повода, но с подтекстом. Я вручила ему эту недешёвую шмотку, напялив на своё голое тело, чем порадовала обоих. А если вспомнить, как идеально она оттеняет его голубые глаза и контрастирует со светлыми патлами...

Разодрала бы вещичку в клочья, да вот что-то никак не

справлюсь с плотной тканью.

– Ты никогда не получал от меня отказа, – пропыхтела тяжело, так и этак тягая рубашку в разные стороны. – Вчера я до поздней ночи отдавалась тебе во всех мыслимых и немыслимых позах. Сегодня отсосала так, как любишь ты! – Швырнула в него неподдающуюся порче рубашку.

Рома поймал её на лету, скомкал и швырнул на кровать.

– Соня...

– Мне, между прочим, мало кайфа давиться твоей штуковиной, но я это делала! Бля-я... Делала, потому что мне нравилось доставлять тебе удовольствие. А ты эту макаронину... – брезгливо ткнула пальцем в ничуть не увядший орган, увидела на нём презерватив со следами бесчинства и глухо зарычала.

Да, вряд ли Роминого «дружка» можно назвать макарониной, он и по размеру, и по форме, и по цвету, и по запаху, и даже на вкус – нечто идеальное. Жаль, что такая волшебная «палочка» досталась потаскунсу.

– Всё так. Ты права. Я не знаю, что на меня нашло.

Я пихнула в нутро чемодана последнюю стопку плечиков и выдвинула нижний ящик гардероба, чтобы забрать из этого логова разврата своё бельё.

С Ромычем даже скандалить не интересно. Мекает чего-то, глазки в пол таращит, мнётся, как девица на выданье. Разве что не тербит краешек презерватива в смущении, тьху.

С досадой пнула ногой чемодан, который не желал закрываться. Навалилась сверху, чтобы утрамбовать вещи под собственным весом. Сердце обливалось кровавыми слезами. Я ведь влюбилась в это недоразумение. Яркий, обаятельный, болтливый. С ним было по-настоящему хорошо, притом во всех аспектах. Меня устраивал быт, нравилось общение, а уж как мастерски он раздвигал мои границы в сексе...

Блин, он убил наших будущих тройняшек. Треснул всем по лбу своим кобелиным «набалдашником», и прощайте Андрюша, Руслан и Игорёк. Представляете?!

– Детоубийца, – прошипела, протискиваясь к двери через набитого барахлом монстра на колёсиках.

Перед тем как окончательно пожечь мосты и шагнуть за порог, я вынула из кармана грязного пальто две связки ключей – от его квартиры и его же дрянного джипа – и бросила на тумбу в прихожей.

– Если вдруг что забыла, пришли на работу. Или сожги. Или выбрось. Но пользоваться не смей.

– Сонь, я исправлюсь. Честное слово. Не руби...

– Сказала бы я, что действительно стоит порубить, высушить, растереть в порошок и развеять по ветру. Да только ты слишком влюблён в эту пипетку!

Потащила за собой чемодан, а перед дверьми лифта обернулась и злорадно выдала:

– И кстати! Любовник из тебя на двоечку. Я даже рада, что наконец вольна найти того, с кем не придётся симулировать

оргазмы.

Донельзя довольная собой и эффектом, что возымели слова, шагнула в кабину и горько разревелась, едва двери сомкнулись.

Глава 2

Месяц спустя

Передо мной высилась стопка документов, которые требовали концентрации и кропотливости. Заполнить личные карточки на сотрудников, внести в журнал данные по медицинским осмотрам, разгрестись с мелкой бумажной волокитой... У кадровика полно бюрократических забот, а уж если в штате числится около сотни сотрудников, то это и вовсе напоминает хомячковый бег по колесу, но сегодня мне совершенно ничего не хотелось.

Поэтому я поглощала обжигающий чай, слепо смотрела в монитор и изредка переключала бумажки с одного края стола на другой.

Ромка не звонил. Да я и не дала ему такой простецкой возможности оправдаться или навешать мне на уши тазик дешёвой лапши – заблокировала везде, где только можно, а на потолок в спальне над кроватью прищепандорила обалденно красивое фото негодяя формата А3, перечёркнутое красным маркером. Как напоминание, что отныне я не ведусь на сладкие речи, белозубую улыбку и няшное личико.

Правда, встречаться с горбунами тоже не намеревалась. Боюсь, после Ромыча не смогу без содрогания воображать секс с кем-то, кто не дотягивает до звания внебрачного сына

Бреда Питта. Эти отношения, вдоль и поперёк замешанные на экстремальных эмоциях, избаловали меня до крайности.

Дверь приёмной распахнулась со стуком, и в кабинет влетел высокий темноволосый мужчина в чёрной одежде. Лучезарно улыбнулся, омывая тёплым взглядом меня и молоденькую секретаршу Олечку. Указал пальцем на дверь директора школы и спросил:

– У себя?

Олечка вскочила из-за стола с готовностью цирковой собачки.

– Да-да, сейчас я предупрежу о вашем визите. Как вас представить?

Плечистый визитёр разулыбался ещё шире, сверкнул в мою сторону жгучим взглядом и покачал головой.

– Сам представляюсь.

С этими словами он оттеснил от двери худенькую девушку и с быстрым стуком переступил через порог.

А дальше было целое представление. Посетитель энергично крутанулся на месте, хлопнул в ладоши, да так резко, что я невольно вздрогнула. Потом он сделал шаг к директорскому столу, повернулся влево, вправо, словно демонстрируя гладкость выбритых щёк.

– Ну, узнаёте? – спросил громко и с большим самодовольством.

Любопытство разыгралось не на шутку. Это ж какие между ними отношения, если мужик имеет наглость вваливаться

в кабинет в разгар рабочего дня и сыпать провокационными вопросами голосом глашатая?

– Илюша! – Антонида Олеговна, директор нашей школы, легко поднялась из массивного офисного кресла и живо обогнула стол.

Они тепло обнялись, притом моя начальница привстала на мыски, чтобы дотянуться до плеч рослого брюнета.

– Ой, вымахал-то как! А красавец какой, картинка же просто!

Директриса мягко пожурела этого Илюшу, указала ладонью на кожаный диванчик для посетителей и вернулась к своему шефскому месту.

Я всё гадала, кем они друг другу приходятся, хотя и допускала, что Антонида Олеговна вполне может быть бывшим учителем этого сгустка харизмы. Олечка, судя по наостренным ушкам, тоже наблюдала за встречами.

Илья развалился на диване, разбросал длинные руки по изголовью, окинул взглядом кабинет. Для лучшей видимости я выдвинула своё кресло из-за шкафа.

– А вы совсем не изменились за прошедшие... сколько там утекло уже?

– Пятнадцать лет, Илюш.

– Ба! Будто полжизни, а вы всё та же. Чего нельзя сказать о школе. Во зданьице отгрохали! Три этажа, простор, всё новехонькое. Мне на вахте карту нарисовали, чтобы не заблудился в поисках вашего кабинета.

– Тогда, может, коротенькую экскурсию?

– Да с удовольствием! Тем более я ж не просто на чай заглянул. Антонида Олеговна, возьмёте моего сына в свою школу?

О-о, всё понятно, и дальше совершенно не интересно. Желатик. Семейными я не интересовалась, да и этот захватил внимание по чистой случайности. Слишком уж эмоционально ввалился в приёмную.

Уткнулась в постылые бумаги и решила вновь переместить папку со входящей корреспонденцией на левый угол стола. Всё-таки справа она смотрелась очень одиноко.

– Какой класс? – деловито уточнила директор.

– Первый. Мы по распределению попали в сорок восьмую, но туда и ездить далеко, и тамошняя учительница мне как-то не очень. Да и школа старая, капитального ремонта с даты правления царя Гороха не видела, а у вас такой шик-блеск-красота.

Они вместе вышли в приёмную. Заботливый папаша снова облапал меня глазами, заставляя невольно выпрямить спину. Я коротко глянула в ответ и заелозила мышью по столу, изображая деловой вид.

Симпатичный, конечно, но не моего ареала ползания ящерка. Я больше по блондинам, притом свободным.

А вот Олечку наличие семьи не отпугнуло. Она аж покраснела от удовольствия, когда директор и её визитёр встали позади.

– Олечка Андреевна, глянь, что у нас там с первыми классами.

Секретарь охотно воззрилась на монитор и защёлкала кнопками.

– Первый «А» битком, вы и сами знаете. В «Б» добрали детей на прошлой неделе. У вас мальчик или девочка? – нежным голоском эльфийки спросила Оля, оглядываясь через плечо на папашу.

Я закатила глаза и тихонько хмыкнула. Он ведь ясно сказал, что хочет пристроить сына, разве сыновья бывают девочками?

Брюнет явно расслышал изданный звук и прицельно стрельнул по мне глазами. Тяжёлый мужской взгляд, который оценивал, ощупывал и даже пробовал на вкус. Я зевнула и отвернулась. Вот вообще не вштыривает.

– Пацан, – Илья обратился к Олечке, – охламон и оболтус, но не глупый.

– Тогда точно первый «В», у нас там девичье царство. Надо бы разбавить их прекрасную компанию. Оля, пометь себе, Зарубин...

– ...Кирилл Ильич, 2018 года рождения, – с готовностью подхватил папаша.

– Они будут переводиться из сорок восьмой школы? – спросила Оля.

– Да, кстати, совсем забыла. Вы уже обговаривали с руководством той школы вопрос о переводе? Нам нужна будет

справка.

– Она у меня с собой, – перебил Илья и полез во внутренний карман куртки.

Выудил сложенный пополам листок и две шоколадки. Одну положил на стол рядом с Ольгой, а вторую попёр ко мне, теперь уже вволю пожирая глазами. До меня было всего два шага, но даже за то время, что потребовалось для сближения, его улыбка из любезной преобразилась до обещающей. Что уж сулила его гримаса, я разбираться не стала, выставила вперёд руку и категорично отказалась от угощения со словами:

– Не ем сладкое, спасибо.

– Передарите кому-нибудь, – мурлыкнул он и положил лакомство поверх раскрытой папки с личными карточками сотрудников.

«Лучше выброшу», – едва не сорвалось с языка, однако я чудом сдержалась. Ему, может, невдомёк, что с недавних пор я на дух не переносу флиртунов.

Ромка был таким же. Обволакивал голосом, гипнотизировал жестами, сражал мимикой и вытряхивал из трусиков одним лишь взглядом. Мы переспали ещё до первого свидания, вернее, по пути в ресторан, где и должна была произойти официальная встреча. Он предложил подвезти меня, я по наивности согласилась.

В салоне мы обменялись заинтересованными взглядами, удовлетворились внешним видом друг друга. Спустя пять

минут он обдал меня ласковой улыбкой, поправил свою чёлку и спросил какую-то ерунду. Я ответила что-то забавное, мы вместе засмеялись, а затем он свернул на обочину и сходу набросился на мои губы. Без намёка или предупреждения, просто притянул мою голову к себе за затылок и начал по-жирать с варварской жадностью, выдыхая мне в рот горячие густки чистейшего безумия.

Я подхватила от него бациллу ненасытности с той же минуты. Ромыч заклеил меня этим недугом. Мы занимались сексом везде. Боже-е, и сколь хорош был этот секс.

Мне вспомнилось, как однажды за ужином он вдруг отложил вилку, отставил в сторону тарелку с недоеденной пастой с морепродуктами под сливочно-чесночным соусом, тщательно вытер губы салфеткой, а после обмакнул палец в кружку со смородиновым морсом.

– Холодный ещё, – резюмировал, хищно поглядывая на меня через стол.

– Невкусно? Тебе не понравилось? Приготовить что-то ещё? – напрасно забеспокоилась, не понимая, что означает этот его сдирающий кожу до костей взгляд.

– Ты капнула на себя соусом, – он обошёл стол, прихватив с собой кружку. – Испачкалась, – ткнул в небольшое пятно на блузке. – Не люблю на тебе грязную **одежду**. Сними.

Он выделил слово «одежда», а «грязную», наоборот, произнёс глухо, давая понять, что на самом деле ему не нравится любая одежда на мне.

Рома упёрся задницей в стол, поставил морс рядом с моей порцией пасты и выжидательно скрестил руки на груди.

– Сейчас? – переспросила сконфуженно.

Ответом послужил короткий взмах рыжеватых ресниц.

Он всегда становился молчаливым в моменты острого возбуждения. Со стороны это походило на агрессию, но чуть позднее я разобралась, что его просто замыкало на сиюминутном желании, и вся сохранившаяся выдержка уходила на самоконтроль. Он умолкал и внутренне твердил себе, что должен сдерживать порывы, что мне нужно время, чтобы подхватить его запал и загореться, что брать женщину на сухую – это почти изнасилование.

Вот и в тот раз я опешила на долю секунды. Потом быстро расстегнула блузку и скинула с плеч. Он одобрительно рыкнул, зачерпнул пригоршню холодного морса из кружки и с непроницаемым лицом вылил мне на грудь.

– И вновь ты вымазалась, – раздосадовано покачал головой, растирая сладкую воду по коже над кружевом бюстье.

Я зашипела на контрасте ощущений. Морс охлаждал, движения руки воспаляли. По животу текли неприятные струйки смородинового сока, а внизу уже закручивалась пружина ядрёного возбуждения.

– Ты такая неопрятная, Сонь.

Он поднёс к моему лицу кружку с напитком, запрокинул голову за подбородок и медленно наклонил посуду, чтобы морс начал выливаться мне на губы тоненькой струйкой.

– Сними с себя всё.

Я едва успела открыть рот, чтобы поймать сладкую нить питья. Раздевалась быстро, лихорадочно, ощущая, как внутри всё обмирает от его похотливого взгляда, прикованного к моему высунутому языку.

Он наклонил кружку сильнее, превращая тоненькую струйку в поток смородинового сока, который приходилось часто сглатывать. И делать это стало в разы сложнее, когда свободной рукой Рома перехватил моё горло и сдавил, желая чувствовать вибрацию от каждого движения у шеи.

– Прекрати глотать, – скомандовал шёпотом и сблизил наши лица так, чтобы соприкасались кончики носов. Чашка с морсом сместилась левее, но течь из неё не перестало.

Я заелозила на стуле, пытаясь избавиться от трусиков.

– Набери полный рот и подставь себя для меня, – плавил он мои засахаренные мозги. – Хочу выпить из твоего рта.

Прозвучало это абсолютно дьявольски, будто фраза из триллера с элементами жёсткого порно: «Хочу испить твою душу до дна».

Он действительно пил из меня и вколачивался с бешеной амплитудой, удерживая мою задницу на самом краешке стола.

Всё это будоражащее великолепие промелькнуло в памяти в едином порыве. Кровь прилила к щёкам, сердце забилось с частотой восьмицилиндрового мотора. Кажется, даже давление скакануло. Меня швырнуло в адский жар, а по телу

выступили капли холодного пота.

Я отвернулась от пронизывающего взора брюнета и смахнула шоколадку с папки на стол.

Диагноз понятен без слов. У меня Ромко-ломка, очередной неконтролируемый приступ. Лекарство существует лишь одно.

Встала из-за стола и протиснулась мимо троицы у места секретаря. Почти бегом добралась до туалета, заперлась в кабинке, опустила крышку унитаза и плюхнулась на сиденье, поднося телефон как можно ближе к уху.

Запись одного голосового сообщения длиной почти в тридцать минут хранилась во внутренней памяти телефона. Я перенесла её в скрытую папку ещё в первые дни после расставания, задала сложный пароль, который намеревалась забыть тут же, но что-то пошло не по плану.

С тех пор я изредка наступаю на горло собственной гордости и утоляю тоску по любимому мужчине столь экстравагантным способом.

«Пухляш, я соскучился».

Всхлипнула, закрыла глаза, отдаваясь горькому наслаждению. Он часто звал меня Пухляшом в минуты нежности. Вначале я бесилась, требовала прекратить обзывательства, отыскивала некий скрытый подтекст в этом обращении, мол, тебе бы похудеть не мешало. Однако быстро уверилась, что нравлюсь ему со всеми лишними килограммами. Ему и в голову не приходило ужаснуться:

– Что?! Ты носишь пятьдесят второй размер одежды?

Или воскликнуть:

– Не замечала, что твои трусики больше напоминают полотнище от парашюта?

А уж унижить меня фразой:

– Снова ночной жор? Перетащить для тебя кровать на кухню?

Подобного Ромыч себе не позволял, как, впрочем, и мне. Стоило замереть у зеркала в очередной обновке (в тот месяц, что мы были вместе, я тотально пересмотрела свой гардероб и каждый день баловала себя свежей тряпкой, потому как хотела соответствовать своему мужчине, а не выглядеть на его фоне задрипанной молью из села Кукуево)... Так вот, едва я начинала цепляться к своему отражению, сокрушаясь по поводу висячих боков или гусеничных складок на животе, Рома появлялся из-за спины, медленно стаскивал с меня одежду и понимался выцеловывать всякий дюйм отнюдь не идеального тела.

– Ты гладкая. Мягкая. Нежная. Сочная. Самая красивая. Идеальная. Я бы прописал твои параметры в канон и заставил всех девушек выглядеть столь же вкусно.

Я иногда спорила.

– Сам-то зачем-то дважды в месяц сидишь на сушке! А мне пытаешься втирать, что балдеешь от жировых складок?

И получала в ответ:

– Так это всё для тебя, Сонь. Чтобы и мысли не допускала

слинять от меня по тихой.

На этом этапе он обычно стаскивал с себя рубашку или футболку, добиваясь моего обильного слюнотечения (текла я вся, к слову) и позволял шарить руками по всему атлетичному телу.

Снова пришлось вздохнуть. Запись продолжилась:

«Я тут подумал: где и как мы будем праздновать новый год? Накидываю варианты, до которых созрел. Первое, можем забуриться в спальню на всю неделю с запасом еды и воды. Я, наконец, утолю свою жажду до тебя... Наверное», – прозвучал глубокий грудной смех. «Не, серьёзно, Софийка, ты какая-то ворожея. Ни от одной бабы меня так не плющило, а с тебя прям по бетону размазывает.

Еду сейчас с этой Мухосрани и думаю, как хочу круглосуточно иметь тебя... рядом. В обоих смыслах. Чтобы и находилась со мной безотрывно, и я почти не покидал твоих дырочек. Бля-я, колдовская сила воображения. Подумаю о тебе, и всё колом».

Этому протяжному «бля-я» я научилась у него.

Чёрт бы тебя побрал, Гурьев Роман Егорович! Забрался ко мне в подкорку мозга и никакими заклинаниями его оттуда не выдворить.

«Так, о чём бишь я? Ах да, планы на новый год. Может, смотаемся в какой-нибудь Пхукет? Всё забываю спросить, ты вообще бывала за границей? Набросай ответ, пока слушаешь, и добавь свою фотку. Желательно самую похабную, что-

бы у меня появился повод накинуться на тебя с порога, как вернусь. А я наброшусь, не сомневайся. Все эти пижонские деловые ужины и шлюханские танцы перед инвесторами с призывом: «Дай, дай, дай побольше денег!» вызывают у меня апатию. А ты знаешь, о ком я фантазирую, когда начинаю скучать».

«Разве не о крашеных мочалках с точёной фигурой и плоской задницей, что живут этажом выше?!» – ехидно поинтересовался мой внутренний голос, и намерение дослушать сообщение до конца резко испарилось.

Подумалось, что я хренова тряпка, раз прячусь в туалете и лью фантомные слёзы по предателю. Пора заканчивать с этой хандрой.

Решила и как ножом отрезала, ага, после чего пальцы сами собой полезли в скрытую папку и вызвали на экран Ромкино фото.

Искры из глаз и слюна фонтаном. До чего красивый гад! Мне хотелось ослепнуть только от вида жемчужиной нити зубов, что проглядывала между губами. В ушах поневоле слышался его смех.

Глянула на волосы, тщательно уложенные в волну над высоким лбом, и подушечки пальцев укололо желание запустить их в эту идеальную конструкцию и растрепать до основания. Вспоминалось, как он просыпался по утрам, перетекал в сидячее положение, скидывал ноги с кровати, вонзал пятерню в блондинистую гриву и зачесывал назад, смахивая

приди с сонно прикрытых глаз.

Гребаная мазохистска. К чему бередить душу? Какой от этого прок? Мы с Ромычем расстались. Окончательно и бесповоротно.

– Ты сильная и независимая женщина, – сказала полушёпотом, обращаясь к своему отражению. – Сильная и независимая. Соберись в единое целое и хорош нюнить!

Последнюю команду произнесла громко и отчётливо и вышла в коридор. Нос к носу столкнулась с брюнетом Илюшей, вернее, мы едва не врезались друг в друга.

Я смущённо опустила взгляд и шагнула вправо. Он двинулся со мной синхронно, притом в ту же сторону. Увесистый ботинок шоркнул по моей туфле.

–Извините! – он отступил, повернулся боком и согнулся в подобии поклона, пропуская меня вперёд.

– Да ничего, – бросила равнодушно и прошествовала к кабинету, по пути обдумывая вот какую мысль: «А не попробовать ли вышибить клин клином?»

Вполне возможно, лекарством от Ромко-ломки вполне может оказаться новый мужчина. Представила себя в объятиях другого и до того затошнило, что захотелось схватить со стула подушку и вдоволь проораться в неё.

Мой вам житейский совет, не связывайтесь с красавчиками. И я говорю не об одной пустой внешности, нет. Если вас добивается кто-то столь же идеальный, с кем и поболтать клёво, и в постели динамит с фейерверками, и всё ваши ком-

плексы он побороть может по щелчку пальцев – не ведитесь. Это прямой путь в преисподнюю.

Он выпотрошит ваши тело и душу, а после оставит...

– Сонь, как он тебе?

– А? – я вылупилась на Оленьку, с трудом выныривая из пучины раздумий.

– Ну этот... Илья, – она мечтательно закатила глаза и произнесла мужское имя с таким придыханием, будто давеча получила от него признание в вечной любви. – Хорош же, скажи? Тёмненький, высокий, стройный и эта щетина его – ух, у меня аж всё набухло.

– От кого там бухнуть? Обычный женатик. Таких вон папаш сердобольных полна коробушка.

– Да ты что! Он холостой. Я краем уха слышала, как просил дирёбу к психологу пацана направить, типа тот болезненно переживает родительский развод. Как думаешь, если рискну пригласить его на кофе завтра, когда он документы принесёт на оформление, он согласится?

Сто процентов нет. Мужики же завоеватели. Чем дольше ты их за нос водишь, тем сильнее разгорается охотничий азарт.

Вслух же сказала другое:

– Попробуй. За спрос в лоб не даст.

– А ты сама как? Не хочешь перестать теревить лепестки своего Ромашки?

– И заменить кобеля кобелём? – фыркнула, отправляя

дармовую шоколадку в мусорную корзину. – Спасибо, плавали, знаем.

– А с чего ты взяла, что он – кобель?

– Оленька, детка, все они одним миром мазаны. Если не кобель, то блядун, а уж если вовсе не шляется, то импотент немощный, с таким только время зря тратить.

– Как у тебя всё категорично.

– Это жизненный опыт. Притом тот, который горше польной настойки.

Я всё-таки погрузилась в бумажную рутину и до конца дня не поднимала головы. А перед глазами так и стояло Ромкино фото.

Дорогой боженька, если ты только существуешь! Пожалуйста, устрой нам встречу! Хочу глянуть на него всего полразочка и осознать, что перегорела, что чувства ушли и что сменились ненавистью.

Надо ли добавлять в конце «Аминь»?

Глава 3

«Какие планы на вечер пятницы-развратницы?»

«Сонечка, заезжай в гости. Целую, Ба.»

«Систер, забуримся вечером в Синюю Яму?»

«Вам звонил +77746277807 в 16:26. Сообщения не оставлено. Детали: t2.ru/var»

Последнее сообщение смахивала дрожащей рукой. А молитвы-то действуют. Рома пытался позвонить.

И что мне с этим знанием делать?

Предыдущие сообщения просто проигнорировала, как поступала весь предыдущий месяц. Нет у меня настроения на гулянки и вечеринки. Лучшая компания для меня сейчас – это море подушек, тёплый плед, тарелка орешек и обе части фильма «Супер Майк», которые помогали выдрать себя за волосы со дна озера депрессии.

К бабушке я решила навеститься в субботу, о чем написала в ответе. Но что делать с этой лазером бьющей по глазам надписью: *вам звонил +77746277807 в 16:26?*

Перезвонить? Записать короткое голосовое сообщение, содержащее брань и ругательства? Назначить встречу и явиться к месту с топором наперевес?

Похоже, я начинаю невольно сочувствовать серийным убийцам, поскольку понимаю, что в особо опасные моменты жизни в душе может созреть безотчётное желание убивать.

Я всё же набрала номер, но не Ромкин, а тот, что получила сегодня на работе от бывшего ученика нашей директрисы – Ильи Зарубина.

Он явился сегодня с утра, не спросясь развалился на стуле возле моего стола и передал взволнованной Олечке личное дело своего сына и все необходимые копии.

– Привет, – поздоровался как со старой знакомой.

– Доброе утро, – вежливо пожелала, не поворачивая головы от монитора.

– Как настроение?

– Как у жаворонка в полночь – недосуг чирикать.

Олечка почти бесшумно перелистывала бумаги и слишком уж вьедливо прислушивалась к разговору.

– Колючая такая, – ухмыльнулся Илья и добавил: – Такой тебя и запомнил. Сколько должен за химчистку?

Я, наконец, снизошла до открытого взгляда. Нахмурила брови, соображая, о какой химчистке речь.

– Суббота, серебристый «Лексус». Ты воевала с «Крузаком», я предложил помочь – припоминаешь?

– А, так это тебя усыновила семья гамадрил и забыла научить хорошим манерам?

– Каюсь, повинен, – он широко улыбнулся и чуть склонил голову набок. – Я тебя ещё вчера узнал. Так сколько за испорченное пальто?

Какой удивительный экземпляр. Вначале по-хамски окатил из лужи, зачем-то запомнил аж на целый месяц, потом

отыскал и горит потребностью возместить убытки. Может, у него биполярка?

– Не утруждайтесь, я в состоянии оплатить химчистку. А вам могу посоветовать курсы, где прививают зачатки воспитания.

– Вот здесь заполните, пожалуйста, – Олечка сунула родителю под нос несколько бланков, глянула на меня чуть ли не с завистью и отвернулась к своему экрану.

– И снова на «вы», – Илья вздохнул раздосадовано и взял с моего стола ручку, чтобы вписать данные в графы. – Насчёт курсов идея неплохая. Подыщи для меня что-нибудь, потом позвонишь и скажешь, когда и куда подъехать.

Не особо заморачиваясь, он оторвал от стопки цветной стикер, размашисто вывел на нём цепочку цифр и приклеил к нижнему краю монитора.

– Боюсь, тут одними курсами ситуацию не выправить. Как насчёт полной профессиональной переподготовки? – я потихоньку начала втягиваться в игру, хотя и чувствовала затаённую угрозу.

Пикапер же, как пить дать. Все эти обезоруживающие улыбочки, пулемётная стрельба глазами, расслабленная поза, призванная подчеркнуть его статус хозяина вселенной – тут и не пахло ювелирной тонкостью.

– Ради тебя готов хоть завтра записаться в институт благородных джентльменов, – он вывел затейливый росчерк внизу бланка и приступил к следующему опроснику.

– Какие жертвы ради незнакомки. Наверняка ты дико занят большую часть времени, раз исполняешь повеление каждой первой встречной.

– На самом деле действительно занят – работой, но готов посвятить всё свободное время самообразованию. Меня ведь чуть совесть живьём не сожрала за тот инцидент.

– Бедняжка, – присвистнула в пылу азарта. – Могу и здесь посоветовать делать на ночь йодную сетку. Отлично помогает от мук заторможенной совести.

– Из личного опыта знаешь? – он покрутил между пальцами авторучку и, не дожидаясь ответа, проговорил: – То, что окатил тебя из лужи, заметил сразу, но остановиться не мог – срочно вызвали на работу. Потом несколько раз приезжал в тот двор, пару раз заставал на том же месте «Крузак», но тебя отчего-то так и не встретил.

Правильно, потому что я навсегда покинула тот злополучный дом и прокляла владельца внедорожника.

Я опять уплыла мыслями в тот траурный день и отключилась от происходящего.

Олечка сумела перетянуть внимание Ильи на себя, они быстро закончили с оформлением документов, а я так и продолжала водить курсором по рабочему столу, отдаваясь арктическим водам воспоминаний.

На прощание Илья постучал пальцем по жёлтому стикеру со своим номером телефона и бросил:

– Непременно позвони насчёт учёбы. Хочу стать лучшей

версией себя.

И я, дурёха, набрала номер тем же вечером, когда стрелки часов перевалили за отметку «10».

– Да, – ответил неандерталец почти мгновенно, будто только и ждал входящего вызова.

– Московский гуманитарный институт имени Патриса Лумумбы ведёт набор на факультет диагностики девиантного поведения, – понесла я откровенную околесицу.

– Так-так, погоди, я записываю, – сквозь короткий смешок отозвался Илья. – Как пишется слово «девиантный»?

– Через тире, – уверенно брякнула и закусила губу, сдерживая рвущийся смех.

– Записал: «факультет диагностики девиантного через тире поведения». Сонь, телефончик приёмной комиссии не подскажешь?

Веселье вмиг улетучилось.

– Откуда имя моё знаешь?

– Так на сайте школы нашёл. Фото, кстати, отличное. Тебе идёт загадочная полуулыбка.

– В курсе, что подобное явление нынче называется стелкерством?

– В мою молодость это именовалось заинтересованностью, но уверен, что ты способна подыскать универ, в котором меня отучат любопытничать. Какой-нибудь жутко модный бакалавриат по специальности Небельмеса Коляды.

– В тебе сейчас говорят «Смешарики»?

– А ты сведуща во всех темах. Признаю, смотрел с сыном на ночь, кое-что отложилось в лексиконе. У тебя тоже есть дети?

– Племянники, они обожают этих колобков, да и мне иногда интересно поглядеть на зайца с ёжиком.

– Что есть, то есть. Почему ты в тишине в вечер пятницы?

– А ты?

– Кир ещё не дорос до развратных вечеринок, – Илья добавил в голос веселья. – Вот через пару годиков зажжём с ним по полной. Блэкджек, океан продажной любви и всё такое прочее.

Меня передёрнуло от упоминания продажной любви и совсем не к месту вспомнилась Ромкина соседка с голыми сиськами.

– Дети сейчас рано взрослеют, – изрекла без тени улыбки.

– Да я шучу. Так почему ты дома, Соня?

– Потому что домосед.

– Значит, я нашёл твою фейковую страницу во ВКонтакте. Жаль.

Чёрт! Мне захотелось хлопнуть себя по лбу. Проклятая цифровизация. Теперь всякий человек лишён права на личное пространство. Всюду объективы камер и гигабайты беспечно разбросанных данных.

– Меня начинают пугать твои наклонности.

– «Знай своего врага, как самого себя, и выйдешь победителем из многих битв», – процитировал он и хотел добавить:

– Это...

– Сунь-цзы из трактата «Искусство войны», я знаю, – похвастала умом и расслабленно откинулась на спинку кровати. – Так я для тебя враг?

– А сама как думаешь? Я потерял сон и покой с тех пор, как тебя увидел.

– Уверенно, это что сезонное, вроде авитаминоза или скарлатины. Что ещё поведал обо мне интернет?

– Я позже пришлю тебе видео, которое откопал в даркнете. Ты наверняка удивишься.

– Надеюсь, без моего участия. Ты и даркнет шерстил?

– Я очень дотошный.

– Тогда прощаемся. С минуты на минуту к тебе нагрянут парни из кабинета номер девять.

– Что ещё за кабинет такой?

– По типу британской Ми-6, отслеживают пользователей запрещённых ресурсов и прочих киберпреступников.

– Как вовремя ты предупредила, пойду съём распечатку с секретными кодами для взлома Пентагона.

– Господи Иисусе, зачем ты упомянул Пентагон?! – я театрально всполошилась. – Теперь мы оба под колпаком спецслужб. Телефоны уже на прослушке, в вентиляционные шахты опущены жучки с видеокамерами.

– Боюсь предположить, какому воздействию подвергся мусоропровод. По нему небось пущен смертоносный отряд морских котиков?

– Которые замаскированы под ниндзя-ассасинов. Короче, нам кабзда.

– Я так понимаю, ты и компьютерными играми не гнушаешься?

– Могу залипнуть в игрушку на пару выходных дней. Предпочтение отдаю интерактивным фильмам вроде «Детройт» или «Хэви Рейн», хотя по настроению могу погонять «Сталкера» либо «Скайрим».

– Прости за пафос, но я искал тебя всю жизнь, о прекрасная! – патетически воскликнул Илья. – А если серьёзно, ты классная. Давно так не трепал языком обо всякой ерунде. Можно нескромный вопрос?

Градус лёгкости беседы просел. Я мысленно насторожилась.

– В рамках приличий.

– Само собой. Тот блондин, что рядом с тобой на большинстве последних фото – это бывший или нынешний?

– Это горькое прошлое, умершее в настоящем.

– Болезненное расставание?

– Жёсткий удар под дых, – отделалась бестолковым ответом и попыталась закруглить разговор. – Ты извини, время уже позднее. Завтра с утра на вокзал, электричка отходит в 7:25. Я, пожалуй, спать.

– Собираешься в гости к родителям?

– К бабушке.

– Тогда, может, я с утра заеду в «Командор», наберу

кулёк пирожков и в качестве злого серого волка доставлю тебя к бабушке?

– Мне лень стирать и гладить костюм Красной шапочки, инсценировка отменяется. А электричкам я доверяю больше, чем хакерам со сталкерскими наклонностями.

– Жестокосердная София.

– Доброй ночи, Илья.

– Повтори!

– Доброй ночи, – после небольшой паузы проговорила вновь.

– Нет, моё имя. В интерпретации твоего голоса звучит очень... интимно.

– Не выдумывай.

– Повтори, а я включу диктофон. Сама сможешь услышать, как томно ты произнесла моё имя.

– Ничего подобного! Я вежливо пожелала тебе приятных снов.

– А чмокнешь на прощание?

– С чего это?

– Хотя бы потому, что я добавил «пожалуйста».

– Ты уже просмотрел первую лекцию из университета Патриса Лумумбы?

– Пока что начал изучение словаря Даля. Все новые для себя слова обвожу красным цветом. Буду заучивать, – он вздохнул, якобы опасаясь предстоящего объёма работы.

– Какая самоотдача! Ты начинаешь меня восхищать...

И чуть было не ляпнула: «... Ромыч».

Осознание едва не свершившейся ошибки сдавило нутро.

– Я вообще могу перевернуть твоё восприятие мира с ног на голову, так что не смущайся сублимировать на мне свои тайные желания.

– Вот например сейчас я хочу спать. Только тс-с, никому!

– Если примешь от меня видео вызов, готов заклеить себе рот скотчем.

– Почему мне постоянно кажется, что ты втягиваешь меня в какие-то сомнительные провокации?

– М-м, потому что я и впрямь втягиваю?

– Ну хоть признался.

– Тогда давай ответную откровенность. Ты уже в пижаме?

– Что ты, как можно?! На мне флисовый комбинезон, термобельё, шерстяные носки до колен и сверху душегрейка.

– Звучит жарковато. Поблизости на полную мощь работает кондиционер?

– Нет, я остужаю твой пыл, торопыга.

– Что ж, ты промахнулась. Я вообразил тебя в прозрачной шерсти и малость завёлся.

– Шерсть не бывает прозрачной.

– Тебе самой бы обновить знания. Разве не в курсе, что шерсть полярных медведей не белая, а прозрачная?

– По-твоему, я выпендрилась в шкуру полярного медведя?

– Вне всяких сомнений. И под моим углом зрения – это

чистый секс.

– Ты равнодушен к мишкам?

– А ты догадливая, раскусила мою мишкофилию на раз.

– Илья...

– Так что насчёт завтрашней совместной поездки к бабушке? Мне нестись с утра за выпечкой?

– Тебе говорили, что ты ненормальный?

– Пытались намекнуть, но я не слишком легковёрный. Так да или да?

– Осмелюсь предупредить, что моя бабушка – весьма крепкая пожилая женщина. В обиду себя не даст.

– А ты дашь?

– Так, мне стоит наведаться к окну и проверить, не полнолуние ли сегодня.

– Нет, глупенькая, я всего лишь спросил, дашь ли ты себя в обиду. Двусмысленно прозвучало, прости.

– Прощаю. Очередное незнакомое слово из томика Даля?

– Угадала. Я хоть правильно применил?

– Вне всяких сомнений. Самообразование тебе к лицу.

– Ты так активно хвалишь, что мне хочется урчать.

– Мы не закончим этот разговор. Я отключаюсь, Илья.

– Мы продолжим утром. Какой кофе ты любишь?

– Растворимый со сливками.

– Серьёзно?

– А ты ожидал услышать какой-нибудь «лавандовый флэт-уйат с халвой»?

- Скорее «зелёный чайный макиато с матча и шоколадом», хотя нет, лажанулся. Ты же не ешь сладкое.
- Вот именно. Отбой, Илюш.
- Чертовка. Так нежно лизнула меня в ушко и планируешь сбежать?
- У тебя пунктик на собственном имени?
- Скорее на твоём голосе. Он у тебя очень мягкий и глубокий, так бы и слушал всю ночь.
- Спешу тебя разочаровать, я громко и гулко храплю.
- Это из-за тяжести медвежьей шкуры. Она тебя душит. Готов предложить эквивалент: мои невесомые объятия. Они и согреют, и приласкают в нужный момент.
- Начинаю храпеть: хр-р-р.
- Приезжай ко мне, вместе почитаем Даля. У тебя явно наместились пробелы в вежливости.
- Продолжаю посвистывать...
- О, становится интереснее. А постанывать ты будешь?
- У-у-и-и...
- Это визжание, моя старательная храпунья. Я о настоящих столах. Какая ты в момент удовольствия? Тихая или...
- Чао, развратник!

Я отключила телефон, убрала звук и бросила его на тумбочку. Заулыбалась от ощущения непередаваемого веселья. Давненько я так от души не потешалась над собеседником. И ведь вовсе не глуп оказался.

На этом моменте я закрыла глаза, натянула одеяло до са-

мого подбородка и позволила воображению дорисовать рядом с собой тепло Ромкиного тела.

Как же его не хватает! До вспоротых нервных окончаний и надсадного ора.

Только додумалась до этого сравнения, как руки сами схватили телефон, а пальцы бегло прошлись по цифрам.

– Сонь? Случилось чего? – сонно прошептал в трубку голос, который окончательно затуманил воспалённый разум.

– Чего звонил? – спросила яростно, без грамма нежности или умиления, которые заливали изнутри.

– Услышать тебя хотел. И увидеть. Тоскую очень.

Он говорил отрывисто, словно взвешивал каждое слово. А я сопела в микрофон и до боли прижимала к лицу телефон, мысленно костеря себя за идиотизм. Ну зачем поддавалась истерике? Для чего позвонила?

– У тебя всё хорошо? – с долей обеспокоенности спросил Рома.

– Чудесно. Завтра вот еду у бабушке с пирожками в компании серого волка.

Захлопнись! Прекрати!

– Познакомилась с женщиной. Вроде ничего такой, – несла я откровенную чушь и не могла остановиться.

– Мне приятно слышать, что у тебя всё налаживается. Честно. Сонь?

– Надеюсь, у тебя тоже всё хорошо.

– Более-менее. Я люблю тебя. Сладких снов.

Я задохнулась от возмущения, а потом оборвала вызов и зарылась лицом в подушку, чтобы прокричаться.

Сукин сын! Да он никого кроме себя не любит. Чтоб ему пусто стало. Ненавижу.

Глава 4

Электричку я проспала, конечно. После глупейшего разговора с Ромкой напрочь забыла включить на телефоне будильник, так что разлепила глаза около восьми утра. Глянула на дисплей и приняла входящий вызов с незнакомого номера.

– Надеюсь, ты не умчала к нашей дорогой бабушке спозаранку? – спросил безобразно бодрый голос Ильи. – Потому что я проспал.

– Я тоже, – пожаловалась вяло и зевнула, протирая заспанную моську пятернёй. – Кстати, когда моя бабушка успела стать и твоей дорогой?

– Ты разве не в курсе? Помимо мишек я и старушек обожаю. В том плане, что ни дня не могу обойтись без заботы о старшем поколении. Так что твоя бабушка теперь в числе моих фавориток.

– Почему всё, о чём ты говоришь, звучит пошло?

Я медленно поплелась в ванну, слепо включая повсюду свет.

– Наверное, ты не слышала от меня настоящих пошлостей, поэтому и считаешь, что планка у меня на уровне школьника. Так куда завезти булочки?

Я глупо захихикала.

– Сам себя послушай! Ты собираешься возбуждать булоч-

ки...

Он грохнул хохотом, притом настолько заразительным, что я присоединилась в момент. Вспрыгнула на стиральную машинку и по-турецки поджала ноги.

– Подловила, так подловила. Хочешь, запишу на видео процесс разогрева выпечки?

– Фу-у, нет. Смотреть, как ты кончиком языка слизываешь помадку или сбиваешь шершавыми пальцами присыпку – к такому я ещё не готова.

– Тогда диктуй адрес, куда доставить эту жаркую сдобу.

Задумалась на миг, хочу ли продолжать это странное общение. Да, он прикольный, умеет развеселить и поддержать беседу, но разумно ли поощрять ухаживания другого мужчины, когда сердце истошно ломится в сторону бывшего?

Спросила себя, сумею ли простить Ромку и дать ему второй шанс? Ответ, к несчастью, однозначен: нет. Я готова мириться со множеством пороков, согласна искать пути решения миллиарда проблем, однако молча проглотить измену не способна. То, что случилось единожды, обязательно повторится – непреложная истина.

Всё же назвала адрес, и через пару минут мы зафиналили разговор.

Собиралась я, как обычно, с огромным тщанием. Подкрасилась, чулки-белье, удобные джинсы и футболка – со времён знакомства с Ромой уже вошло в привычку в любой день быть во всеоружии. Потому что «**а вдруг**». Вдруг случайно

повстречаю бывшего – тогда непременно потребуется продемонстрировать себя во всей красе. Я ж со стыда сгорю, если натолкнусь на него в каком-нибудь торговом центре да ещё в обнимку с красавицей, а сама при этом буду выглядеть пугалом огородным.

Да и, честно признаться, полюбилось мне отлавливать на себе вождедеющие мужские взгляды. Ими Ромка избаловал, а потом как-то само вошло в привычку. Я ведь красивая пышнотелая блондинка (крашеная, конечно, но это уже нюансы). Росту мне добавляют каблуки, грудь смотрится по-девичьи благодаря дорогому бюстгальтеру, а уж умение себя преподнести в выгодном свете я оттачивала годами.

Волнения перед встречей я не испытывала. Максимум, что мог пробудить во мне темноволосый симпатяга – сдержанную улыбку, да и та вышла какой-то неестественной, словно гримаса пластиковой куклы.

Илья припарковал уже знакомый мне «Лексус» возле подъезда, резво выскочил наружу и двинулся навстречу с плетёной корзинкой и аккуратным букетиком цветов наперевес.

Приняла кулёк из холщовой бумаги, прижала к носу. Яркий запах карликовых роз с нежно-розовыми бутонами защекотал ноздри, но куда явственнее почувствовался дурманящий аромат свежей выпечки.

– Это и есть твои разгорячённые булки?

– Они самые, – Илья расхохотался, и я отменила, что улы-

бается он иначе, не открыто и беззаботно, как Рома, а сдержанно, если не сказать загадочно. – Признаюсь, что не решился облизать всю помадку, оставил и для тебя пару плюшек.

– Очень предусмотрительно.

Я окинула его придиричивым взглядом. Кроссовки, джинсы, футболка, тонкая спортивная куртка – всё преимущественно тёмное, но опрятное и отглаженное. На щеках недельная щетина, густая и почти чёрная под цвет волос. Последние зачесаны назад. Ко всему его облику наиболее подходило слово «аккуратный», такой тип людей подчиняет эмоции разуму и не спотыкается на ровном месте.

Илья тоже оглядел меня с ног до головы. На пару секунд задержался на губах, ещё дольше – на груди, потом наклонился и поцеловал где-то возле ушка, щекоча кожу. А вот его запах что-то во мне всколыхнул. Нет, не призрачное воспоминание о Ромке. Скорее то было некое позабытое чувство чего-то запретного и вместе с тем желанного.

Я не большой знаток мужской парфюмерии, но прочувствовала нотки сладкой ванили, горького перца, душистой ели и терпкую восточную пряность. В моём воображении они плохо сочетались, а на деле их связывал в единую композицию некий компонент, который я обозвала бы шлейфом самоуверенности.

– Спасибо за цветы, – сказала, когда после небольшой заминки Илья всё же отстранился.

– Не за что. Кстати, у тебя дивные духи.

Обмен любезностями завершился, только мужчина продолжил стоять настолько близко, что мне не терпелось шагнуть назад.

– Ну что, где живёт наша дорогая бабуля?

– Моя в Будагово, это небольшая деревня в сорока километрах езды по трассе на Иркутск.

– Сорок кмэ неблизко, подвезти?

– Бесплатно? – округлила глаза в наигранном удивлении.

– Сторгуемся, я думаю. У тебя вон какие активы, – он повёл бровями и взглядом указал на мои губы.

– А если я на грани банкротства?

– Оформим кредит под самый мизерный процент, – Илья взял меня за локоть и проводил до пассажирского места.

– Огласи условия заранее. Туда – обратно, вернуть в целости и сохранности – это сколько по прайсу?

Я устроилась в кресле, обтянутом бежевой кожей, перекинула через плечо ремень безопасности.

– Если в поцелуях, то набежит не меньше полусотни, а с процентами, думаю, все двести, – он плюхнулся на водительское место и завёл двигатель.

Корзинка с румяной выпечкой отправилась на заднее сиденье.

– Грабёж среди бела дня, – возмутилась тарифам на пассажирские перевозки. – Тормозни у ближайшей автобусной остановки, я предпочту добираться своим ходом.

– А сколько ты готова отстегнуть за эту поездку?

Мы оба изображали деловой тон, будто и впрямь обсуждали взаимовыгодную сделку.

– Два, максимум три чмока.

– Жадинка, ты видела вообще цены на бензин? – Илья мельком посмотрел на меня и улыбнулся, словно опасаясь, что я восприму его замечание всерьёз.

– Хорошо, пять. Пять чмоков...

– ... и один взрослый поцелуй, – быстро добавил любитель присваивать себе чужих бабушек.

Я ещё раз посмотрела на его профиль, представила себе это действо. Ни тебе дрожи, ни предвкушения, ни трепета. Однако же ужаса или отвращения тоже не наблюдалось.

– По рукам, – беспечно согласилась, и мы впрямь стукнулись ладонями, скрепляя сделку. – Давно ты в разводе?

– О, кто-то тоже нуждается в приручении любопытства. Больше года, Сонь. А ты была замужем?

– Нет. Вокруг одни слепцы, – якобы пожаловалась.

– Хорошо, что у меня стопроцентное зрение, – он подмигнул и прибавил газу, уверенно двигаясь по федеральной трассе за чертой города.

– Где ты работаешь?

– Как и большинство в нашем городе, на железной дороге. Вожу поезда из точки «А» в точку «Б».

– Машинист или помощник машиниста?

– Машинист. В основном гоняю на грузовых локомотивах.

Так, засыпая друг друга вполне сдержанными вопросами, мы скоротали путь, и уже на въезде в деревню я могла составить короткую биографическую справку об этом мужчине.

Ему тридцать два года, за плечами ранний брак, который просто изжил себя с течением времени. С бывшей женой они в хороших отношениях, оба понимают, что ребёнку гораздо проще мириться с изменениями в жизни, когда оба родителя стараются во всём найти компромисс, а не используют отпрыска в качестве рычага давления.

Говорил он по большей части серьёзно, изредка таинственно улыбался и с интересом поглядывал на меня, считывая реакцию на свои ответы.

Когда наступил мой черёд открыться, я постаралась держать эмоции в узде и подчеркнуто равнодушно поведала о расставании с молодым человеком.

– Мы недолго встречались, всего месяц. Он оказался не готов к серьёзным отношениям, а мне хотелось стабильности.

– Иначе говоря, замуж?

– В дальнейшем, возможно.

Секретничать насчёт запланированных белокурых тройняшек я не стала. Боюсь, в этом вопросе меня поймут только женщины. Признание факта измены с его стороны и вовсе казалось глупейшим поступком. Ведь в разладе подобного рода всегда виноваты оба, так уж заведено в психологии. Вот только ума не приложу, в чём моя ошибка. Многое Ромычу

позволяла? Да не то что бы. Взаимное уважение сопровождало наше общение с первых дней. Мы все роли делили по договорённости. Не было у нас авторитарности и подчинения. Мне казалось, мы всюду участвовали на равных.

Даже в плане секса между нами царила гармония. Я уступала ничуть не чаще Ромы, и даже если исполняла его желания, то не стеснялась озвучивать свои. Не sluкавлю, если скажу, что среди нас не было ведущего и ведомого, мы выступали как отдельные целостные личности. Во всём.

Тогда почему же он всё-таки полез на чужую бабу? Приелось плотное тело? Захотелось ощупать подтянутую задницу и зарыться лицом в крепкие сиськи? Мой промах в том, что не успела изморить себя голодом?

– Ау, Сонь! – перед лицом замелькала раскрытая ладонь.
– Чего притихла и глаза вытаращила?

– Извини, задумалась.

Посмотрела в окно, увидела, что стоим на заправке. Илья припарковал машину у придорожного магазина.

– Тебе правда растворимый кофе со сливками?

– Да, если не затруднит.

– Взять что-нибудь перекусить? Ты вообще позавтракала?

– Нет, да, – ответила рассеянно. – В смысле, ничего не нужно, кроме кофе. Я позавтракала.

Нифига подобного, конечно. Львиную долю времени я потратила на сборы, оттого напрочь забыла о еде. Однако в свете недавних умозаключений подумалось, что чуточку по-

страдать от голода – даже полезно.

Илья вернулся через пару минут и подошёл к машине с пассажирской стороны. Обе руки у него были заняты: в одной бумажный поднос с двумя чашками кофе, в другой – пирамидка из пары баночек с десертами. Я забрала у него напитки, поставила на торпеду и с интересом пригляделась к содержимому прозрачных контейнеров. Белое основание, жёлтая шапка джема и всё это приправлено чёрными семенами ванили. Слюноотделение не заставило себя ждать.

– Надеюсь, ты любишь панакоту, – молвил Илья, усаживаясь за руль.

– Вообще-то, – облизнулась, – я её обожаю. К ней бы ещё чайничек зелёного чая «Молочный улун» и ты бы послушал, как я могу блаженно стонать.

– Так чего же мы ждём? – воодушевился он. – Алиса, адрес ближайшего кафе, где подают чай «Молочный улун»! – прокричал в воздух, но умная помощница так и не отозвалась.

– А ты любитель форсировать события.

Мы взяли по стакану с кофе, отпили по глотку и оба скривелись.

– Двойной американо без сахара? – ужаснулась я.

– Почему твоя бурда пахнет стоячими носками? – возмутился Илья.

– Живо отдай мой наивкуснейший кофе! И сам давься своей горечью.

Илья отвёл бумажный стакан с моим напитком подальше и хитро улыбнулся.

– А ты отбери, – велел задиристо и приоткрыл окно, сетуя: – Запах просто кошмарный. Сюрстрёминг [(швед. surströmming) – шведский национальный продукт, ферментированная или квашеная балтийская сельдь (салака). Известен резким неприятным запахом, который многие сравнивают с протухшими яйцами] отдыхает.

Я потянулась к вожделенному стакану. Илья отодвинул руку ещё дальше и игриво заявил:

– Меня так и подмывает вылить эту бурду.

– Только попробуй!

Он выставил стаканчик за борт и наклонил, пуская тонкую бежевую струйку.

– Ой, попробовал!

Зарычала от утрированной досады, схватила его за рукав куртки, попыталась вернуть напиток на родину.

Илья только этого и ждал. Свободной рукой осторожно коснулся моего плеча и медленно повёл выше через каскад распущенных волос к лицу.

– Попроси вежливо, гордячка, – сказал шёпотом и таки очертил костяшками пальцев линию подбородка.

Я уже забыла о кофе и сосредоточенно рассматривала его темно-карие глаза, которые блуждали по моему лицу. Неспешно исследовали сантиметр за сантиметром и всякий раз застывали на губах, после чего зрачки как бы вытягива-

лись, всё сильнее затемняя радужку.

– Я не хочу, чтобы ты меня целовал, – призналась честно и спешно отвернулась к окну.

– Я и не целую.

– Но хочешь.

– Разве это не естественное желание для мужчины, который находится наедине с красивой женщиной? – Илья протянул мне мой стакан и взамен получил собственный.

Его вопрос я оставила без ответа. Укладывать в нашу общую постель соседку, едва я на пару десятков минут отлучилась из дома – тоже часть естественного желания мужчины при виде красивой женщины? Тогда я предпочла бы избавить этот мир от естественных желаний.

Мы снова вернулись на федеральную трассу. Оба молча пили свой кофе, и чтобы хоть немного сгладить неловкость, я распечатала баночку с панакотой и зачерпнула содержимое пластиковой ложечкой.

Молочное суфле таяло на языке. По сахару и консистенции никаких претензий, а кисловатый джем прекрасно оттенял этот ансамбль, раскрывая весь вкус нежирных сливок. Семена ванили вкуса не добавляли, но их приятно ловить на зуб и разжёвывать.

– А где обещанные стоны? – с улыбкой спросил Илья.

– Точно, прости! – я отправила в рот следующую порцию, подождала, когда та начнёт таять на языке и расслабленно выдала: – У-уи-у-уи. Волшебно.

Мой водитель покосился на меня с недоумением, потом припомнил наш ночной разговор и рассмеялся.

– Почему я сразу не догадался, что будет что-то подобное? Ты очень своеобразно стонешь.

– Полезная привычка, когда требуется не отвлекать водителя от дороги, скажи!

– Да, о-о, да-а, – он сам тихонько простонал. – Твоей манерой стонать разве что вырубать вождление под корень. Стоп-кран для любого самца.

Я снова набрала десерт и протянула ему.

– Открой-ка ротик, самец, и скажи «ам». В качестве извинения за свой антисекс накормлю тебя вкусняшкой.

Он проглотил ложку почти целиком и даже как-то умудрился коснуться губами моих пальцев. Медленно прожевал сладость.

– Разве я сказал, что твои визги убивают моё возбуждение? – он коварно поиграл бровями, не отводя взгляд от дороги. – Наоборот. Меня заводит всё нестандартное. Твоя вариация стонов в том числе.

– Как быстро прорывается наружу твоя маньячья сущность.

Мы прикончили обе баночки с панакотой, а после разорили запасы пирожков для бабули. Я отыскала для Ильи слойку с ветчиной и сыром, а себе взяла пышную шанешку с курицей и зеленью.

– Вот здесь сверни направо, а на втором перекрёстке –

налево, – подсказала, когда мы уже въехали в населённый пункт.

– Как зовут нашу драгоценную бабулю?

– Любовь Ивановна. И давай притворимся, что ты просто меня подвёз? По-дружески.

– И не стыдно тебе обманывать бабушку?

– В том-то и дело, что стыдно. Поэтому я не стану объяснять, почему явилась в гости с мужчиной, с которым знакома два дня. Твоя байка насчёт геронтофилии [Геронтофилия – расстройство полового влечения, которое характеризуется болезненной половой тягой к лицам пожилого возраста] тут не прокатит.

– Эй, потише на ухабах, женщина! – живо нахохлился Илья. – Я питаю платонические чувства к пожилым дамам. Похотью там и не пахнет.

Я закатила глаза, но не удержалась от улыбки. С каждой минутой мне всё больше нравилось наше общение, а пока кормила его десертом с ложечки, так и вовсе прониклась нежностью. У него оказались красивые губы. В меру плотные, с аккуратной морщинкой посередине нижней, которую хотелось разгладить языком.

А ещё меня подкупала его сдержанность. Он не стеснялся демонстрировать, что я привлекаю его в сексуальном плане, открыто сыпал двусмысленными шуточками и часто одаривал голодными взглядами, но не распускал руки. Окажись на его месте Ромка, я бы давно уже стояла в коленно-локтевой

позиции на заднем сиденье и постанывала по-настоящему, без глумливых «у-уи-у-уи».

Занесём в плюсы, так ведь?

Глава 5

Бабушка встретила нас у ворот. Приземистая, чуть полноватая, с короткой стрижкой и радушной улыбкой, в свои восемьдесят четыре года она смотрелась до того бодро, что невольно вызывала зависть даже у тридцатилетней меня. Боюсь вообразить, что сумею сохранить через полвека те же задор и энергию. По-моему, я буду той ещё старой стервой и стану тыкать каждому прохожему в спину клюкой с криками: «Проститутки! Наркоманы! Жульё!»

Я первой шагнула навстречу и обняла старушку.

– Ты чего на улице мёрзнешь?

– Скажешь тоже, – она фыркнула и отодвинула от себя, чтобы пристально рассмотреть. – Ты похудела, детонька. Это всё ваши стрессы городские. Спите урывками, едите химию и всё время несётесь куда-то, сломя голову, – тут она заметила моего водителя и тихо спросила: – Это и есть твой Ромка? Хорош, шельмец. Только машина больно дорого выглядит. По съёмным хатам ютитесь, а ездите на деньгах – вот где ваш ум, молодежь?

Вставить хоть словечко в плотный поток нравоучений не представлялось возможным, поэтому я не успела внести ясность насчёт Ромы.

– Ну иди знакомиться, чтоль, – баба Люба вперила кулаки в бока и грозно глянула на Илью.

– Здравствуйте, Любовь Ивановна, – громко отчеканил тот.

– Ба, это...

– Женихаться приехал аль за компанию? – с ходу начала допрос бабушка, но о приличиях не забыла и величаво распахнула калитку перед гостем.

– Женихаться, конечно, – Илья подал старушке корзинку с покупными пирогами, пригнулся и поднырнул в низкий проём.

В избе царила атмосфера деревенского быта времён сталинской эпохи. Стены из почерневших брёвен, дощатый пол, устланный половиками из лоскутов ручной вязки. Допотопная мебель из цельного массива дерева, которая весила по двести с лишним килограммов и казалась абсолютно неубиваемой. Это вам не новодел из пластика, а советское довоенное качество – переживёт ещё моих правнуков.

Современным в скудном интерьере был лишь телевизор – огромная плазменная панель диагональю в два метра, наш с родителями подарок на прошлый бабушкин день рождения.

Меня сослали на кухню кипятить чай, а сами устроились за большим круглым столом, укрытым ажурной красной скатертью.

– Рада, что снизошёл нанести визит, – скрипуче призналась бабуля. – Я уж отчаялась вас дожидаться. Зову, зову, а Софийка только обещает, да носу не кажет. Работой прикрывается, только меня не проведёшь, я сразу догадалась, что

это ты стопоришься, Рома, потому как знакомство с семьёй – шаг ответственный. Тут с пустым сердцем не подойдёшь, обязательно твёрдое намерение за душой иметь нужно. Ну-кась, отвечай, как на духу, скоро ль женитьба?

Я выгнулась дугой, чтобы глянуть на Илью и подать знак. Соглашайся, мол, она иначе не отстанет. Да и не хотелось мне огорчать бабушку новостью о расставании. Она больше всех переживала за мою судьбу, постоянно укоряла, что незамужняя женщина в моём возрасте – это едва ли не грех. Наставляла быть смиренной и покладистой, цитата: «Мужики-де вольнодумных не привечают. Норов свой спрячь, подчинись, смолчи, где требуется" и т.д., и т.п.

Илья заметил мои странные пасы руками, прищурился, словно обдумывая какую-то мысль, и подмигнул.

– Конечно, скоро, Любовь Ивановна. К весне, думаю, будет в самый раз. Я уже и предложение сделал, – сладко пропел проныра.

– София! – гаркнула бабушка, призывая меня пред гневны очи.

Та-ак, у нас всё пошло не плану. Какое к чертям предложение? Что ещё за свадьба весной? Я же ясно изобразила пантомиму: ты меня любишь (*тычок в его сторону, нарисованное в воздухе сердце и большими пальцами указала на себя*), притворись (*показала, как надеваю невидимую маску*), пожалуйста (*молитвенно сложила руки у груди*). Что из этого ускользнуло от его понимания? Где в моих кривляниях

отсылка к предложению и свадьбе?

Я послушно встала рядом с бабушкой и бросила короткий убийственный взгляд на лгуна.

– Ба, да не было никакого предложения. Мы просто обсуждали варианты. Никто сейчас не женится после месяца знакомства.

Добавила мысленно: «После пары дней общения и подавно».

– Почему Рома утверждает обратное?

– Сонь, – он до того похоже на Ромыча протянул моё имя, превращая «о» в долгий горловой звук, что я вздрогнула, – хорош уже таиться. Свадьба – дело решённое.

Он поднялся на ноги, обошёл меня сзади и крепко прижался к спине, обвивая руками живот. Положил подбородок на моё плечо и невесомо чмокнул за ушком. Притом пятой точкой я ощутила твёрдость под его брюками, которой там быть не должно.

Я незаметно наступила нахалу на ногу и по возможности ласково выпуталась из удушливых объятий.

– Ты прав, **Ромочка**, – с трудом выдавила абсолютно неподходящее ему имечко. – Бабушка всегда учила меня быть покладистой. Так что пойду-ка я накрою на стол.

– Правильно, детка, мужика с дороги кормить надо. Сальца нарежь, щи подогрей. Они у меня суточные, Ром, по старому семейному рецепту в русской печи томила.

И они снова увлеклись беседой, в которой слышно было

только бабушку, а от Ильи требовалось лишь изредка поддакивать.

Щи я налила и себе. У бабули они бесподобные. Секретным ингредиентом является не только русская печь, но и наличие в крепком мясном бульоне жареной капусты. Она не варит этот суп из квашеной белокочанной, а всегда добавляет её чуть ли не обугленную до черноты, что качественно отражается на цвете и вкусе.

Потом полезла в холодильник за разносолами. Хрустящие бочковые огурчики, терпкие помидоры без шкурки в собственном соку, ядрёное домашнее сало с перцем и чесноком, икра из опят – ба лучший в мире заготовщик солений.

Апофеозом разгула обжорства стала банка маринованных рыжиков, которую я выудила из недр кладовой. Быстро приправила грибы пахучим маслом, набросала сверху кольца лука и поспешила подать на стол.

– Теперь я понимаю, у кого Соня научилась так вкусно готовить, – с набитым ртом проговорил Илья, споро орудуя ложкой.

Будто ты знаешь, как я готовлю!

Бабушка зарделась, взяла с блюда корку хлеба, натёрла зубчиком чеснока, выложила поверх несколько самых мясистых кусков сала и подала гостю.

– Накось, вприкуску. В следующий раз горчицу заведу на рассоле. У меня такая матёрая получается, что не только волосы шевелятся, но и весь затылок.

Она с удовольствием наблюдала за тем, как пустеют тарелки у вечно голодных городских обитателей. Сама почти ничего не ела, зато делилась деревенскими новостями. Тот сосед поставил забор, оттяпав шмат земли у Стрельцовых – ну я же их знаю, ага, – а Куимовы вдрызг разругались с роднёй из-за поросят, которые перемерли в одночасье.

Я почти не вслушивалась в эти рассказы и улыбалась, давая скучающей старушке возможность выговориться.

Следом мы пили чай из настоящего самовара, долго и со вкусом дегустировали варенье из клубники, малины, смородины и даже жимолости. Последнее особенно понравилось Илье, и за свой бесстыдный подхалимаж он получил баночку горького джема в качестве подарка.

– Бабуль, может, чем помочь надо? – спросила из чувства долга, когда желудок, набитый до отказа, взбунтовался принимать в себя третью чашку чая.

– А как же, – драматично улыбнулась она. – Курятник почистить, замок на двери сарая починить – опять заедает, что твоя пластинка. Ещё лампочку в сенях вкрути, – обратилась она напрямую к Илье. – Смогёшь, али белоручка?

Я догадалась, что это какой-то тест для будущего «мужа» на рукастость, и подавила усмешку. **Бабушка всегда такая бабушка.**

Стайку для кур мы отправились убирать вместе, но прежде нас обоих вырядили в рабоче-крестьянские наряды. Илье достались дедовы трико с обвислыми коленями, мат-

роска с длинными рукавами и грязно-голубой ватник с заплатками. Я убилась искать старую дедову ушанку, чтобы довершить комплект. К несчастью, не нашла, хотя и перевернула всю антресоль в летней кухне. Впрочем, и без этого непреложного аксессуара смотрелся подсадной жених на сотню баллов. Когда он вышел ко мне из спальни, сохранить постную мину не удалось – заржала в голос, наблюдая дикий контраст.

– Ты потешаться надо мной вздумала? – с преувеличенной угрозой прошипел Илья, грозно приближаясь.

– Я? Что ты! Как можно угорать над первым парнем на селе!

Он замер в сантиметре от меня и совсем недружелюбно оскалился. А потом как заорёт:

– Любовь Иванна, у вас найдётся, во что Сонюшку переодеть? Она та ещё неряха, *жаль будет выпачкать её в грязи.*

На конце фразы он понизил голос до шёпота, адресованного лично мне, и вся весёлость сменилась каким-то колючим напряжением. По моему позвоночнику заструилось тепло от его наглого взгляда. Я буквально физически ощущала, как он смотрит на губы, как примеряется к шее, словно прикидывая, что мне больше понравится – нежные касания или жалящие укусы. Мою часто вздымающуюся от рваных вдохов грудь он так откровенно пожирал глазами, что я могла бы поклясться, с этой частью меня он миндальничать не намерен.

Если в машине я прямо заявила, что против поцелуя, то сейчас помалкивала и явно ждала от него действий, притом с замиранием сердца.

– Сонюшка, так за чём дело встало? – в комнату вошла бабушка, и магнетизм между нами сработал: нас растолкало в разные стороны. – Ты же знаешь, где у меня одёжа для огорода.

– Ага, да, сейчас, – хрипло проговорила и шумно прокашлялась, прочищая горло, которое сдавило в предвкушении.

– Срази меня наповал, *любимая*, – издевательски пожелал Илья, делая акцент на последнем слове, и вышел из избы.

Вызов? Да в лёгкую! Встречайте доярку Соню! Ой, поправочка, **сексапильную доярку Соню**.

Джинсы я поменяла на узкую вязаную юбку из колючей коричневой шерсти, длиной ниже колена – вообще не наша тема, правда? Так что юбчонку я натянула под грудь, а потом опустила пояс на резинке внахлёст на талию. Получилась самая настоящая обтягивающая мини-юбка, а если пошире расставить ноги, то и юбка-сетка, через которую слабо проглядывают белые стринги – лично проверила перед зеркалом.

Вместо футболки напялила тонкую блузу, вполне допускаю, что из настоящего шёлка. Верхние пуговицы расстёгнула до неприличия, низ связала узлом. Для пущего эффекта влезла в кирзовые сапоги и жилетку из овчины, которая так кстати не прикрывала зад.

С волосами долго не мучилась, накинула на голову белый платочек, стянула края на затылке узлом, а через плечо пропустила связанные в слабую, но толстую косу волосы.

Отражение в зеркале мне понравилось. Вряд ли я долго протяну в таком прикиде на улице, всё же не месяц май на дворе, но полчаса понаклоняться перед любителем призвать оппонента к барьеру – справлюсь в лёгкую, а потом под каким-нибудь благовидным предлогом уйду в дом и утеплюсь.

Илью не сразу нашла. Оглядела курятник сквозь ограждение из сетки рабицы, заметила возмущённо выхаживающего у калитки петуха и сидящую на лавочке у летней кухни бабушку, которая посмеивалась и промокала слезящиеся глаза платочком.

– А где?..

– К насестам пустила, сжалилась над горемычным, – пояснила бабуля. – Петька, изверг, задал твоему жениху трёпку, – она потрясла кулаком в сторону петуха. – Видать за конкурента принял, пришлось вмешаться, а не то все пальцы твоему Ромушке переклевал бы.

Я окончательно развеселилась и двинулась к курятнику, без проблем вошла за ограждение, но едва потянула дверь стайки, как Петька бросился ко мне со всех ног. И если Илье бояться петушиного клюва не следовало – вон сколько на нём слоёв одежды, то мне в чулках надлежало побережиться.

Взвизгнула и поспешила запереться изнутри. Света тут же убавилось. Под низким потолком висела всего одна лампа,

хоть и большая, красная, размером со среднюю дыню, однако она здесь была для прогрева помещения, а с мраком боролась слабо.

– А-а, опять стонешь, – Ильи повернулся на звук моего появления, опёрся ладонью о грабли, которыми до того сгребал грязное сено в кучу по центру, и мельком окинул взглядом. – Тебе идёт.

– Ага, – я вытащила из угла стайки холщовый мешок, сняла со специального гвоздика прорезиненные перчатки и спешно принялась за работу. – Давай поскорее тут закончим, и на свежий воздух. Дышать же нечем.

Весь будоражащий настрой я растеряла. Вонь казалась убойной. Поэтому вместо призывных кошачьих изгибов я быстро наклонялась, сгребала в мешок изгвазданную солому и переходила к следующей кучке, которую нагребал граблями Илья.

Через десять минут мы уже на пару играли в занимательную игру «Унести ноги от разъярённого петуха». Нам потребовалось выйти из стайки с тремя мешками отменных удобрений и вернуться назад со свежей соломой.

– Я отвлекаю, ты выносишь мешки, – взял на себя командование спецоперацией Илья.

– Не, я не дотащу, – заключила, когда попробовала поднять хотя бы один куль. – Давай я побуду тореадором.

– В этом? – он почти невесомо провёл рукой по голой коже в области декольте и самыми кончиками пальцев очертил

край юбки. – Тебя когда-нибудь щипал петух?

Помотала головой.

– Удовольствие сомнительное. А мешок тащи волоком. Бросишь с той стороны калитки.

И всё действительно получилось. Пока Илья воинственно надвигался на Петьку, отпугивая того граблями, я быстро переместила собранный перегной за ограждение.

Присела на лавочку – бабуля наверняка ушла в дом – стянула нестерпимо воняющие перчатки и затолкала под косынку выбившиеся из причёски прядки.

Илья тенью шмыгнул за калитку, захлопнул её перед самой головой драчливого петуха и с улыбкой плюхнулся рядом.

– Назад даром не пойду, – он дурашливо пихнул меня плечом, потом скосил взгляд в вырез расстёгнутой блузки и прищипнул. – А ну встань, полюбуюсь.

Мне уже совершенно расхотелось быть сексапильной дояркой и вообще иметь какое-то отношение к сельской жизни, но отказать себе в удовольствии подёргать котяру за усы я не смогла. Встала напротив, упёрла руки в бока, сильнее растягивая края блузы и даже слегка покружилась на месте. Изящества не получалось, всё-таки кирзовые сапоги сорок второго размера – это вам не тонкие лодочки, ноги я переставляла с трудом. Но и продемонстрированных умений хватило, чтобы весёлость на мужском лице сменилась задумчивостью.

– Ты ведь понимаешь, что мне везти тебя обратно? – вдруг спросил Илья, снова утыкаясь взглядом в расстёгнутый воротник блузки.

Кивнула с осторожностью.

Он поднялся на ноги, схватил кончик моей косы и медленно намотал на кулак, вынуждая склонить голову набок.

– А я не железный, между прочим, – заявил предостерегающе и повёл носом по изгибу шеи от уха к плечу. – Не боишься, что привяжу ремнём к сиденью и наброшусь?

Он почти не касался меня, не лапал и не вжимал в себя, однако же до того понизил голос, что меня безоговорочно проняло.

– Ты же сам просил сразить наповал, – пролепетала в качестве оправдания и выпрямилась, чтобы видеть его лицо.

На сей раз мы не соперничали взглядами, лишь считывали реакцию друг друга.

– И ты перестаралась, Сонь, – он потёр большим пальцем мою косу, всё ещё намотанную на кулак. – Это не наповал, а предательский нож в спину. Мне теперь хочется затащить тебя на сеновал и хорошенько там извалить.

Я невольно облизнулась. Он тоже провёл кончиком языка по своим губам. Казалось бы, идеальный момент для страстного поцелуя, но что-то во мне опять выставило задний ход. Я отступила на шаг, а он позволил. Разжал ладонь с моими волосами и ей же отёр лицо, будто срывая с себя марево наваждения.

На сеновал мы всё же поднялись, исключительно ради свежей соломы. Оба держались поодаль, а я даже запахнула жилетку и опустила подол юбки ниже. От греха.

С остальными делами управились вмиг. Замок Илья смазал специальным составом, которое приволок из багажника «Лексуса», с лампочкой справился и того быстрее. Словом, бабушка провожала нас с лёгким сердцем и донельзя довольной улыбкой. Обняла меня на прощание со словами:

– Держись за него, Сонюшка. Хорошего мужика завсегда издали видно, а Ромушка твой из таких. Да и смотрит на тебя неотрывно.

Я приписала это замечание старческое подслеповатости и с удивлением наблюдала за тем, как моя бабушка тискается с «женихом», и они о чём-то перешёптываются.

Напоследок она осенила обоих крестным знаменем и пожелала:

– Благослови вас господь!

Глава 6

– Заедем в одно местечко? – предложил Илья, разрывая паутину затянувшегося молчания.

– Надеюсь, не в мотель? – слабо пошутила и поёжилась, представив, что получу утвердительный ответ.

– Если уж на сеновале сдержался, хотя теперь знаю, какого цвета на тебе трусики, и что под этими джинсами скрываются чулки, – выдал единым духом, даже не поворачивая головы, – неужто ещё часок до дома не потерплю?

– А дома?.. – я одновременно зарделась от его наблюдательности и стушеввалась от грядущих перспектив.

– Да шучу я, расслабься, – он вполне невинно погладил меня по руке. – Просто ответь на один вопрос: вы с Ромой расстались не из-за его склонности к насилию?

– Ты на абьюз намекаешь? Нет, не из-за этого.

– Тогда мне не понятно, почему ты так от меня шарахаешься. Как черт от ладана.

Пожевала язык, будто настраиваясь на откровенность. Шарахаюсь... Наверное, со стороны выглядит именно так. Несерьёзное поведение для тридцатилетней бабы. И ладно бы строила из себя скромницу, так нет же: сиськи наголо, а потом от каждой попытки поцеловать деревенею. И впрямь выгляжу истерзанной жертвой домашнего тирана, к тому же малоадекватной.

– Понимаешь, – решила всё же объяснить, пока мне застарелую девственность не приписали, – в прошлый раз отношения развивались слишком стремительно. Конфетно-букетный период мы просто перескочили, съехались довольно быстро. Как-то не по-людски, в общем. Поэтому в будущем мне бы не хотелось наступать на те же грабли.

– Сложно довериться другому, когда однажды уже предали, – весьма уверенно заявил Илья и по моему вытянувшемуся от удивления лицу понял, что попал в точку. – Теперь, кстати, стало намного понятнее. Так что насчёт небольшого крюка? Заедем в одно местечко. Обещаю, тебе понравится.

Этим местечком оказалось кафе под названием «Клубничка», и в зал я входила с лёгкой настороженностью. Однако внутри заведение не производило впечатления логова разврата. Скорее наоборот. С десятков небольших круглых столиков, оформленная в советском стиле барная стойка, приглушённое освещение. Фоном играла лирическая музыка, а основу посетителей составляли воркующие парочки.

– При чем здесь «Клубничка»? – спросила с иронией, когда уселись за столик, слишком тесный для нас обоих.

Мне пришлось подобрать под себя ноги, чтобы не прижматься коленями к ногам Ильи.

– А здесь в меню нет ничего, кроме клубники.

Удивилась безмерно, но всё же заглянула в принесённую официанткой папку. Итак, десять видов кофе и все с припиской «клубничный». Салат из клубники с грушей, постный

салат из овощей с клубничной заправкой на сметане, тосты с клубникой и клубничным джемом, карпаччо из клубники с сыром «Камамбер», тар-тар из клубники, клубничное пюре с котлетами из бланшированной клубники. На десерт так же предлагалось лакомиться клубникой во всех её экзотических проявлениях.

Я рассмеялась и продиктовала официантке свой заказ:

– Клубничный капучино, карпаччо из клубники и клубника в шоколадном платье на десерт.

Илья лукаво подмигнул и обронил как бы невзначай:

– Мне то же самое. И поторопитесь, пожалуйста, мы зверски голодны.

– Неожиданный выбор кафе, – поделилась я мыслью, когда мы остались наедине.

– Слишком приторно для тебя?

– Пока с потолка не начнут сыпаться конфетти в форме сердечек, я готова дожидаться десерта. А потом извини, дам дёру.

Он понимающе улыбнулся и положил руку на стол раскрытой ладонью вверх. Жест в общем-то понятный, но...

– Сонь, я не кусаюсь. Расслабься уже.

Я попробовала перестать думать и прошлась кончиками пальцев по его кисти. Повторила линии на сгибах, повела ими вдоль запястья по выпирающим венам.

Нам принесли кофе – самый обычный на вид. Разве что высокий бокал был украшен тонкой долькой свежей клубни-

ки.

Основное блюдо меня тоже не впечатлило. «Камамбер» сюда не вписывался от слова «совсем», я бы добавила самый обычный творожный сыр, и карпаччо заиграло бы абсолютными другими оттенками вкуса. Да и десерт оказался простым, как три копейки: нам принесли большую тарелку с сочными ягодами, насаженными на длинные шпажки, и поставили рядом две пиалы с растопленным шоколадом.

– Нам самим одевать клубнику в шоколадное платье? – от души повеселилась, разглядывая нехитрое угощение.

– Хорошо хоть с застёжками возиться не нужно, – Илья медленно опустил ягоду в шоколад, поднял на уровень глаз и быстро заглотил целиком, умудрившись не испачкаться.

Я таким изяществом похвастать не сумела и на первой же клубнике вымазала шоколадом губы и подбородок. Смущённо улыбнулась, потянулась к салфеткам, но Илья перехватил мою руку. Подался вперёд, мазнул большим пальцем по моей верхней губе и тут же погрузил мне в рот, вынуждая слизать сладкую каплю, что я и сделала. Сомкнула губы на его пальце и провела языком по шершавой подушечке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.